БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Гос. Публичная ... ВП 9

Февраль 1910 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. № 19.

Памяти Сергѣя Борисова

(„Тараса")

14 января въ Екатеринославѣ былъ повѣшенъ нашъ товарищъ Сергѣй Макаровичъ Борисовъ, а наканунѣ, 13 января, въ числѣ четырехъ повѣшенныхъ въ этотъ день, въ томъ же четвертомъ участкѣ, былъ другой нашъ товарищъ — „Миша Симферопольскій", казненный подъ именемъ Андрея Штокмана. Эти двѣ казни какъ бы символизируютъ ликвидацію цѣлаго періода въ дѣятельности анархистовъ-коммунистовъ въ Россіи.

Уже въ первой половинѣ 1907 года для многихъ стало ясно, что революціонное движеніе въ Россіи рѣшительно и безъ уклоновъ пошло на убыль. Правительство успѣло оправиться отъ растерянности, проявленной имъ въ „весеннюю" эру и въ „дни свободъ" подъ неожиданнымъ напоромъ всѣхъ почти слоевъ общества и, главнымъ образомъ, пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ. Съ достаточной опредѣленностью проявилась наряду съ правительственной и общественная реакція, какъ „на верхахъ" — въ средѣ либеральствовавшей ранѣе буржуазіи, такъ и „въ низахъ" — въ рядахъ пролетаріата и крестьянства.

Соціалистическія партіи, въ періодъ растерянности правящихъ слоевъ почти успѣвшія легализироваться, вынуждены были возвратиться въ брошенное, казалось навсегда, подполье и заметались въ безсильномъ отчаяніи, мѣняя поминутно свои лозунги. Съ поразительной быстротой стало падать количество членовъ во всѣхъ революціонныхъ партіяхъ, какъ подъ вліяніемъ общественной реакціи, такъ и вслѣдствіе удесятеренной дѣятельности правительственныхъ агентовъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, свирѣпо мстившихъ за жалкую роль, которую имъ пришлось играть въ „дни свободъ". Максимализмъ, едва развернувшій свои силы въ 1906 году и не успѣвшій пустить корни въ народныхъ массахъ, былъ уничтоженъ посредствомъ висѣлицъ и каторжныхъ приговоровъ. Мрачное настроеніе уже тогда становилось преобладающимъ въ средѣ уцѣлѣвшихъ отъ разстрѣловъ, погромовъ, каторги, тюрьмы и ссылки соціалистовъ.

Въ рядахъ дѣйствовавшихъ въ эту пору въ Россіи анархистовъ настроеніе было нѣсколько иное.

Объясненія болѣе бодраго настроенія анархистовъ приходится искать, конечно, не въ предположеніяхъ о меньшихъ потеряхъ анархистовъ въ сравненіи съ другими революціонными теченіями. Наоборотъ, по количеству жертвъ, принесенныхъ въ революціонные годы, наше молодое движеніе занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Какъ разъ наканунѣ того періода, о которомъ мы говоримъ, въ первой половинѣ 1907 г., произошло, вслѣдствіе провокаціи и предательства двухъ пользовавшихся полнымъ довѣріемъ среди товарищей членовъ анархистическихъ группъ, два грандіозныхъ провала: одинъ въ Варшавѣ, Лодзи, Бѣлостокѣ, Гроднѣ и Вильнѣ, другой — въ Минскѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Петербургѣ и Ригѣ. Первый провалъ нанесъ непоправимый ударъ анархистскому движенію въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ оно сильно стало развиваться еще съ 1903 года, главнымъ образомъ, въ средѣ еврейскаго пролетаріата. Анархистское движеніе началось здѣсь раньше, чѣмъ на югѣ и сѣверѣ Россіи, здѣсь больше поэтому пало въ борьбѣ активныхъ и отважныхъ анархистовъ, здѣсь „на окраинахъ" гибельнѣе, чѣмъ вездѣ, отразилась правительственная реакція, и неожиданный грандіозный провалъ покончилъ съ и безъ того уже разбитымъ анархистскимъ движеніемъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Но на Югѣ, гдѣ центромъ анархизма былъ Екатеринославъ, еще много было бодрыхъ, энергичныхъ и рѣшительныхъ товарищей. Анархистское движеніе на Югѣ началось съ лѣта 1905 года, когда была основана Екатеринославская Рабочая Группа Анархистовъ-Коммунистовъ. Къ 1907 году анархизмъ успѣлъ пріобрѣсти приверженцевъ во всѣхъ крупныхъ и во многихъ мелкихъ центрахъ Юга. И тутъ уже въ это время много насчитывалось невознаградимыхъ потерь, палъ цѣлый рядъ товарищей, піонеровъ русскаго анархизма. Изъ безконечно длиннаго списка приведемъ лишь нѣкоторыя имена: Павелъ Гольманъ, Фишель Штейнбергъ, Василій Доценко, Өедосѣй Зубарь, Янъ Гапускій, Антонъ Нижборскій, Семенъ Трубицынъ въ Екатеринославѣ, Израиль Покотиловъ, Порфирій Салимовскій, Левъ Тарло, Моисей Мецъ, Бэла Шерешевская, Іосифъ Бруништейнъ въ Одессѣ, Владиміръ Ушаковъ въ Севастополѣ, Семенъ Беніенко въ Ялтѣ, Никонъ Пащенко въ Нѣжинѣ, Николай Якобсонъ, Антонъ Чупрына, Рудановскій въ Кіевѣ и многіе, многіе другіе.

Но мѣсто погибшихъ въ борьбѣ товарищей не оставалось незанятымъ. Появлялись новые борцы, и съ тѣмъ же самоотверженіемъ, съ той же преданностью анархистскимъ идеямъ продолжали они начатое дѣло. Уничтожавшіяся безпощадными мѣрами правительства группы быстро возрождались и съ прежней энергіей принимались за работу.

Правительственная и буржуазная реакція, приведшая въ отчаяніе соціалистическія партіи, не могла деморализовать анархистскіе ряды. Реакція могла временно раздавить анархистовъ своими безмѣрными репрессіями, какъ это и удалось ей въ Литвѣ и Польшѣ, но она не могла вызвать въ ихъ рядахъ того разочарованія, которое охватило сердца парламентскихъ соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ.

Эти послѣдніе думали, что съ „дней свободъ" началась новая эпоха. Они выставили новые лозунги, измѣнили свою тактику, приготовились идти по легальному пути, по которому уже издавна идутъ западноевропейскіе соціалъ-демократы. И вотъ, послѣ кратковременной свободы.., снова подполье.., снова нелегальная революціонная борьба...

Для анархистовъ, въ ихъ борьбѣ „конституція" и „дни свободъ" ничего почти по существу не измѣнили. Они остались въ своихъ подпольныхъ революціонныхъ группахъ, продолжали бороться тѣми же методами, что и до „конституціи". Они привѣтствовали октябрьское пролетарское движеніе и принимали въ немъ посильное участіе, но во всеобщей забастовкѣ и послѣдовавшихъ за нею возстаніяхъ они видѣли лишь вступленіе къ широкой затяжной революціи, которая должна была завершиться кореннымъ соціальнымъ переустройствомъ. Съ этой точки зрѣнія буржуазная реакція, пришедшая на помощь правительству въ его борьбѣ съ пробудившимися народными массами, не была для анархистовъ явленіемъ неожиданнымъ. Неизбѣжность ея логически вытекала изъ ихъ представленія о характерѣ россійской революціи.

Вотъ почему сгустившіяся въ 1907 году реакціонныя тучи не внесли отчаянія въ ряды анархистскихъ работниковъ, онѣ лишь заставили ихъ работать надъ подготовленіемъ болѣе сильныхъ, чѣмъ прежде, боевыхъ организацій для того, чтобы быть въ состояніи дать необходимый отпоръ перешедшимъ въ наступленіе объединеннымъ силамъ правительства и буржуазіи. Но было бы ошибочно предполагать, что среди анархистовъ этого періода не было отдѣльныхъ личностей, не раздѣлявшихъ оптимистическаго настроенія товарищей. Были нѣкоторые товарищи, мрачно смотрѣвшіе на ближайшее будущее, но они не ушли изъ анархистскихъ рядовъ, они не могли уйти. Передъ ними стояли образы погибшихъ на висѣлицахъ, разстрѣлянныхъ, стонущихъ въ каторжныхъ тюрьмахъ „послѣконституціоннаго" времени близкихъ товарищей, образы, призывавшіе къ мщенію. И они оставались въ огнѣ революціонной борьбы и ждали лишь возможности отомстить.

Въ описываемый нами періодъ уцѣлѣвшія и вновь народившіяся силы русскаго анархизма были разъединены. Всюду на югѣ — въ Екатеринославѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и другихъ промышленныхъ центрахъ — анархисты, отрѣзанные отъ группъ другихъ городовъ, пытались самостоятельно поставить работу. Бодрые духомъ, самоотверженные товарищи вѣрили, что еще въ ближайшемъ будущемъ возможенъ новый подъемъ массъ и энергично готовились къ нему. Чувствовалась сильнѣйшая потребность въ объединеніи, въ координаціи силъ. Эти мечты стали, казалось, превращаться въ реальность, когда за ихъ осуществленіе взялся Сергѣй Борисовъ.

Мы не можемъ дать здѣсь біографіи Тараса, это выполнятъ другіе товарищи, лучше насъ освѣдомленные въ его богатой революціонной дѣятельностью и трагическими событіями жизни. Мы остановимся лишь на нѣсколькихъ моментахъ ея.

Рабочій Сергѣй Борисовъ — одинъ изъ представителей перваго поколѣнія работниковъ коммунистическаго анархизма въ Россіи. 30-го сентября 1904 года Сергѣй Борисовъ далъ первый въ лѣтописяхъ русскаго анархизма вооруженный отпоръ. 16 марта 1905 года его дѣло разбиралось въ Одесской Судебной Палатѣ. Онъ обвинялся въ пораненіи околоточнаго надзирателя тремя выстрѣлами изъ револьвера и въ покушеніи на жизнь присутствовавшаго при обыскѣ шпіона, котораго онъ считалъ виновникомъ своего ареста. На судѣ Сергѣй Борисовъ произнесъ краткую, но сильную рѣчь (см. „Хлѣбъ и Воля", № 16, 1905 г.). Но уже въ началѣ 1906 года ему удалось бѣжать съ каторги, и спустя немного времени онъ былъ въ Женевѣ.

Жизнь въ эмиграціи всегда была крайне тягостна для болѣе или менѣе живой и революціонной натуры. Но въ тѣ времена, когда революціонное настроеніе народа, казалось, лишь притаилось и въ каждый моментъ могло вырваться наружу, заграничная жизнь была для революціонера совершенно невыносима. Тѣмъ болѣе тосковалъ въ Женевѣ Тарасъ, который, несмотря на всѣ страданія, перенесенныя имъ въ тюрьмѣ и каторгѣ, былъ полонъ самой кипучей энергіи и жажды революціоннаго дѣла.

Около полугода Тарасъ прожилъ въ Женевѣ, занимаясь своимъ самообразованіемъ, но все это время онъ рвался въ Россію для осуществленія своихъ плановъ революціонной работы. Наконецъ, съ большимъ трудомъ были раздобыты необходимыя для дороги деньги, и Тарасъ еще съ двумя товарищами (одинъ изъ нихъ былъ Өедосѣй Зубарь) отправился въ Россію.

Ближайшей его задачей было достать крупную сумму денегъ для нуждъ разнообразныхъ развѣтвленій анархистской работы. Товарищи, которые напишутъ біографію Тараса, сообщатъ о событіяхъ его жизни въ Россіи въ этотъ періодъ, который закончился Верхнеднѣпровской экспропріаціей, совершенной при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ концѣ сентября 1907 года Тарасъ съ нѣсколькими товарищами, въ числѣ которыхъ былъ и „Миша Симферопольскій", напали на отрядъ полицейскихъ стражниковъ, привезшій на станцію Верхнеднѣпровскъ пересылавшіеся казной въ какой-то банкъ деньги. Была брошена бомба, и перепуганные стражники, изъ которыхъ одного, пытавшагося прибѣгнуть къ оружію, товарищамъ пришлось застрѣлить, сдали берданки. Захвативши деньги — 6000 р. — и объявивъ, что экспропріація совершена Боевой Группой анархистовъ, товарищи скрылись. Полиція вскорѣ напала на ихъ слѣдъ, и когда на другой день товарищи уходили на лодкѣ по Днѣпру, лодка обстрѣливалась съ берега. Пули сыпались градомъ вокругъ лодки, и лишь благодаря распорядительности управлявшаго отступленіемъ Тараса, товарищамъ удалось уйти отъ преслѣдованія.

Тарасъ снова заграницей. Теперь, когда устранено одно изъ главныхъ препятствій къ осуществленію его плановъ — отсутствіе денегъ, онъ съ лихорадочной энергіей принимается за самую разнообразную организаторскую работу. Обезпечивъ на нѣкоторый періодъ времени въ матеріальномъ отношеніи издательство анархистской литературы,

Тарасъ заботится о болѣе правильной постановкѣ транспорта ея, о развозкѣ и распространеніи ея по возможно болѣе широкому району. Вернувшись черезъ два мѣсяца въ Россію, онъ объѣзжаетъ анархистскія группы, отъ имени боевой группы помогаетъ имъ деньгами въ ихъ работѣ, помогаетъ ставить типографіи, заводитъ связи между анархистскими организаціями разныхъ городовъ и фактически вмѣстѣ со своими товарищами, осуществляетъ мысль объ объединеніи группъ Юга Россіи. Но главной задачей Тараса была террористическая дѣятельность.

Сильный духомъ и тѣломъ, безумно храбрый и вмѣстѣ съ тѣмъ хладнокровный и неподдающійся минутнымъ увлеченіямъ, онъ словно заранѣе предназначенъ былъ для террористической борьбы. Его практическій умъ, упорство въ стремленіи къ достиженію своей цѣли, не останавливающееся ни предъ какими неожиданными препятствіями, умѣніе подчинять своей волѣ людей, всѣ эти качества дѣлали его какъ бы прирожденнымъ вожакомъ боевой организаціи. Многіе изъ товарищей даже обвиняли Тараса въ стремленіяхъ къ диктаторству.

На нашъ взглядъ, если въ характерѣ Тараса и прорывалась иногда наружу „воля къ власти", то ея развитію болѣе всего способствовала сама постановка террора въ анархическихъ группахъ описываемаго періода. Въ то время многіе товарищи стремились къ созданію *постоянныхъ* боевыхъ отрядовъ, которые по ихъ плану должны были исключительно отдаться террористической борьбѣ. А *такія* организаціи, изъ кого бы они не состояли — изъ с.-р., максималистовъ или хотя бы даже анархистовъ — нуждаются въ центральной фигурѣ, умѣющей и *хотящей* подчинять себѣ людей. Такія организаціи не могутъ долго существовать и развиваться безъ вожаковъ того типа, представителями котораго были Гершуни или Медвѣдь.

Тарасъ по натурѣ принадлежалъ къ людямъ этого закала. Но глубокія *анархистскія* убѣжденія, къ которымъ онъ пришелъ послѣ упорной умственной работы и въ которыхъ онъ укрѣпился въ годы тяжкихъ страданій, боролись въ немъ съ прирожденной „волей къ власти", и если послѣдняя одерживала иногда побѣду, то виною этому, повторяемъ, были, по нашему мнѣнію, принципы, положенные большинствомъ анархистовъ того времени въ организацію боевыхъ группъ.

При появленіи Тараса въ Россіи вокругъ него и его товарищей по группѣ объединились боевые элементы анархизма, какъ тѣ товарищи, которые отъ террора ждали новаго пробужденія народныхъ массъ, такъ и тѣ, кто жаждали отомстить и ожидали лишь возможности привести въ исполненіе свою завѣтную мечту. Закипѣла подготовительная работа. Убійство Каульбарса и Думбадзе, взрывъ сессіи одесскаго военно-окружного суда, взрывъ съѣзда горнопромышленниковъ стояли въ первомъ ряду предполагавшихся актовъ.

Все это не было осуществлено вслѣдствіе провокаціи, этой язвы революціонной дѣятельности вообще и русской въ особенности. Провокація, прочно свившая гнѣздо въ централистическихъ организаціяхъ, и въ особенности въ организаціяхъ спеціально-боевыхъ, погубила и дѣло Тараса и его товарищей. Въ Екатеринославѣ, Одессѣ, Кіевѣ и Харьковѣ было арестовано свыше 100 анархистовъ, и въ результатѣ — послѣдніе два процесса, закончившіеся приговоромъ къ смертной казни Тараса и Миши и долгими годами каторги для многихъ другихъ товарищей.

Въ настоящій моментъ кажется несомнѣннымъ, что даже удачный исходъ всѣхъ террористическихъ плановъ анархистской боевой группы не могъ вызвать въ 1908 году сколько-нибудь сильнаго подъема народныхъ массъ, застывшихъ въ пассивномъ отчаяніи послѣ незадолго передъ тѣмъ подавленнаго движенія. Но все же, если бы были приведены въ исполненіе подготовлявшіеся акты, — кровавый разгулъ Нероновъ и Калигулъ россійской реакціи былъ бы сильно омраченъ уже нѣсколько забытымъ ими къ тому времени: memento mori!

Тарасу не удалось выполнить своей завѣтной мечты, но, умирая, Тарасъ зналъ, что онъ и его товарищи сдѣлали все, что преданные народному дѣлу революціонеры могли сдѣлать въ атмосферѣ общественной реакціи, предательства и провокаціи.

Редакція.

Франциско Ферреръ и Новая Школа

Если бы сущность религіи состояла только въ фантастическомъ объясненіи происхожденія міра и жизни вообще, — зло, быть можетъ, было бы не очень велико. Конечно нелѣпо „вѣрить" въ какого-то бородатаго старца, который вдругъ изъ ничего создалъ солнце, землю, небо, животныхъ, а потомъ изъ грязи вылѣпилъ „по своему образу и подобію" человѣка, каковой человѣкъ началъ зѣвать и скучать. Невесело было на землѣ „вѣнцу созданія", и для его забавы бородатый старикъ рѣшилъ создать женщину. Хотя въ то время еще не существовало хирургическихъ инструментовъ, онъ все таки какимъ-то образомъ вырѣзалъ у человѣка ребро и сотворилъ изъ него женщину. Послѣ чего онъ представилъ ее человѣку и посовѣтовалъ ему „плодиться и размножаться". Совѣтъ не пропалъ даромъ, люди начали плодиться; отцы спали съ дочерьми, сестры съ братьями и расплодились до того, что выдѣлили даже особую татарско-русско-нѣмецкую породу всероссійскихъ кнутовѣйниковъ — божьихъ помазанниковъ — Романовыхъ.

Такого рода объясненіе конечно въ высшей степени нелѣпо, но все таки зло было бы не очень велико, если бы религія — и въ частности христіанская религія — не была въ то же время своего рода соціальной философіей. Правда эта философія неразрывно связана съ вѣрою въ самодура старика, который создавши людей, потопилъ ихъ, а затѣмъ такъ разгнѣвался на нихъ, что для своего собственнаго умиротворенія послалъ на землю своего сына и при посредствѣ тогдашнихъ начальствъ распялъ его на крестѣ.

Эта философія тѣсно связана съ нелѣпымъ объясненіемъ происхожденія жизни, но все таки можно сказать, что вся сущность религіи заключается всецѣло въ ея соціальной философіи.

Какова же эта философія? Очень проста: гдѣ-то въ воздушномъ пространствѣ существуетъ абсолютная монархическая власть, создавшая и организовавшая весь міръ. Эта небесная власть установила на землѣ своихъ представителей: монарховъ, королей и царей; она же создала богатыхъ и бѣдныхъ, подчиненныхъ и повелителей. Подъ угрозой адскихъ мукъ на „томъ свѣтѣ" и всякихъ наказаній на этомъ бѣдные должны подчиняться богатымъ, подданные должны покоряться власть имущимъ, ибо „всякая власть исходитъ отъ бога". Бѣдные — рабочіе, крестьяне — должны работать, не вольнодумствовать и не бунтовать; они должны платить налоги и ренты, отбывать воинскую повинность и покорно переносить свою рабскую жизнь. Бѣдные — рабочіе, крестьяне — должны жить, работать и умереть для богатыхъ, для царей и для шаекъ всевозможныхъ начальствъ. Если богатый ограбитъ тебя, отдай ему послѣднюю твою рубашку; если хулиганъ въ мундирѣ ударилъ тебя, подставь ему и другую щеку; и въ особенности люби своего врага, какъ своего ближняго, будь ли этотъ врагъ всероссійскій вѣшатель Романовъ, полковникъ-палачъ, кабатчикъ-кулакъ, или фабрикантъ-кровопійца. Работай для другихъ, голодай, мерзни, гни спину передъ [illegible] мундирами и [illegible]

какъ собака въ конючей канурѣ! Послѣ смерти бѣднымъ будетъ ужъ очень хорошо. Имъ будетъ и сытно, и весело, и тепло, и всѣ будутъ равны... но только послѣ смерти. Ждите слѣдовательно покорно смерти, презирайте земную жизнь и всѣ блага ея, и чѣмъ больше вы будете страдать на землѣ, тѣмъ лучше вамъ будетъ въ раю.

Такова въ нѣсколькихъ словахъ философія христіанства, — этой религіи любви, — какъ выражаются шарлатаны въ рясахъ и религіозные мыслители — философы метафизики. Цѣль этой философіи ясна: упрочить морально существованіе двухъ классовъ — бѣдныхъ и богатыхъ и создать изъ бѣдныхъ стадо какихъ-то чудовищныхъ барановъ, въ коихъ нѣтъ ни инстинкта самосохраненія, ни свойственной всему живущему любви къ жизни, ни естественнаго сопротивленія страданіямъ и смерти. И это стадо религіозныхъ машинъ должно убивать самихъ себя непосильной работой, холодомъ, голодомъ и убивать пулями, шашками своихъ братьевъ, матерей, сестеръ, отцовъ... во имя любви!... любви къ ближнему! т. е. любви къ богатымъ и начальствующимъ, чудовищной, противоестественной любви барана къ своему мяснику.

И если случайно въ этой вѣрующей въ бога машинѣ пробуждается вдругъ случайное сознаніе своего человѣческаго достоинства, смутное недовольство своей рабской жизнью и часто физическая потребность дѣйствія, богомольные пасторы натравливаютъ свое стадо материально, на жидовъ. Бей ихъ, разбивай головы дѣтямъ, насилуй дѣвушекъ, распарывай животы беременнымъ женщинамъ... во имя любви къ ближнему! Бей жидовъ, валяйся пьяный въ крови твоихъ „братьевъ“... во имя любви къ ближнему, — во имя любви къ посланному богомъ царю-кровопійцѣ, къ богоугоднымъ богачамъ-кулакамъ и къ нахальному подогордливому начальству.

Всякая религія есть, прежде всего философія, приспособленная для рабовъ. Христіанство въ частности есть религія рабовъ, потерявшихъ если еще и не совсѣмъ человѣческій образъ, то во всякомъ случаѣ то, что отличаетъ человѣка отъ простого домашняго животнаго. Эта же религія господствуетъ среди богатыхъ и власть имущихъ, но въ этихъ „высшихъ сферахъ“ она принимаетъ особый характеръ. Правда какой нибудь купецъ, прокуроръ или генералъ крестится, исповѣдуется и испускаетъ изъ себя такіе же бессмысленные молитвенные звуки, какъ и какой либо рабочій или крестьянинъ, но ихъ религія совершенно различна, и ихъ богъ въ трехъ лицахъ не показывается каждому тѣмъ же лицомъ. Бѣдному религія служитъ для подавленія въ немъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, для преобразованія его въ какое-то чудовище, неспособное ни мыслить, ни желать, ни сопротивляться, но только работать для богатыхъ, голодать, плодить кучу больныхъ ребятъ и избивать по приказу начальства другихъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, какъ и онъ. Богатому религія служитъ для моральнаго обоснованія своей власти и своего богатства. Она даетъ ему сознаніе права быть богатымъ; она позволяетъ ему безъ всякихъ угрызеній совѣсти эксплуатировать бѣдныхъ и пользоваться всѣми благами жизни. Для бѣднаго богъ это безжалостное начальство, карающее смертью за малѣйшее неповиновеніе; для богатаго это добродушная власть, за взятку мило и любезно прощающая всякія преступленія. Больше того, она такъ сказать облагораживаетъ его преступленія и даетъ имъ въ его глазахъ идеалистическій характеръ. Вѣрующій губернаторъ, вѣрующій купецъ-фабрикантъ, вѣрующій офицеръ, какъ впрочемъ и обыденный вѣрующій хулиганъ, не воруетъ, не эксплуатируетъ, не убиваетъ, не громитъ, но исполняетъ священную миссію, исполняетъ божью волю здѣсь на землѣ. Благодаря религіи алчные эксплуататоры и кровожадные начальники возвышаются въ своихъ собственныхъ глазахъ, и ихъ звѣрская функція становится для нихъ своего рода выполненіемъ религіознаго долга. Бѣдныхъ религія обезчеловѣчиваетъ и создаетъ изъ нихъ покорныхъ рабовъ. Для богатыхъ она превращается въ узаконеніе ихъ существованія, она идеализируетъ ихъ преступленія и создаетъ изъ нихъ господъ, властителей, вполнѣ соотвѣтствующихъ рабамъ. Она приспособляетъ, такъ сказать, рабовъ къ господамъ и господъ къ рабамъ и въ конечномъ результатѣ дѣлаетъ изъ людей какую-то безыменную подлую, жестокую толпу.

„*Если бы не было религіи, ее нужно было бы изобрѣсть*“, сказалъ Вольтеръ, — *свободомыслящій* философъ, но прежде всего буржуа. Религія нужна, чтобы богатые могли свободно эксплуатировать бѣдныхъ, *чтобы* правители могли свободно „управлять“ народомъ, т. е. грабить, мучить и убивать его. Религія въ рукахъ правящихъ классовъ является однимъ изъ лучшихъ средствъ правленія. Силою нельзя дѣйствовать постоянно, непрерывно. Какъ бы не была велика сила, она утомляется, и правителямъ нисколько не выгодно уничтожить или искалѣчить весь рабочій людъ. Необходимо, слѣдовательно, чтобы рабочій классъ былъ, такъ сказать, добровольнымъ рабомъ, и этимъ преобразованіемъ рабочихъ въ классъ добровольныхъ рабовъ и занимается религія. Правители, эксплуататоры не могутъ существовать безъ войскъ, полиціи, жандармовъ, судей, т. е. грубаго физическаго насилія, организованнаго противъ народа, но еще больше они не могутъ существовать безъ религіи, т. е. безъ организованнаго моральнаго подавленія рабочихъ и крестьянъ. И этимъ моральнымъ подавленіемъ занимается особый классъ — духовенство, которое, забирая въ свои руки рабочаго съ колыбели, сопровождаетъ его шагъ за шагомъ до могилы, и благодаря спеціальному обученію, благодаря наставленіямъ, обѣднямъ, вечернямъ, молебнамъ, постамъ, исповѣдямъ, праздникамъ и т. д. держитъ мозгъ, волю и энергію рабочаго на той степени, гдѣ человѣкъ преобразовывается въ живую машину, необходимую буржуазному классу.

Во Франціи, скажутъ, государство отдѣлилось отъ церкви, и многіе рабочіе не вѣрятъ въ бога. Это вѣрно; но тамъ отдѣленіе произошло въ силу конкурренціи между буржуазными партіями, и затѣмъ нужно замѣтить, что религія, какъ философія, создающая добровольныхъ рабовъ, можетъ существовать и безъ вѣры въ бога.

Неважно въ сущности, что человѣкъ не вѣритъ въ небеснаго самодержца-монарха и даже въ рай или адъ. Важно то, что онъ вѣритъ во всемогущество, въ разумность, въ необходимость государства; важно то, что онъ вѣритъ во Власть и ожидаетъ отъ нея всѣхъ благъ на землѣ; важно то, что онъ не вѣритъ въ свою собственную силу, энергію, разумъ; важно то, что онъ не вѣритъ въ необходимость самостоятельнаго, непосредственнаго усилія рабочаго класса для водворенія на землѣ разумной, свободной общественной жизни. Человѣкъ, зараженный религіей, можетъ и не вѣрить въ библейскія глупости и въ евангельскую рабски-нелѣпую сентиментальную сказку, но, будучи все таки религіознымъ, онъ становится тогда государственникомъ-патріотомъ или даже соціалдемократомъ, такъ какъ вѣритъ въ механическое преобразованіе общества, вѣритъ въ спасительную силу концентраціи капитала, въ благотворную мощь парламента и въ непогрѣшимость словъ Карла Маркса, вѣритъ такъ же религіозно, какъ вѣрятъ и въ поповскія басни; и эта вѣра создаетъ такъ же и такихъ же добровольныхъ рабовъ, какъ и религіозная вѣра. Въ этихъ новыхъ — свѣтскихъ — религіяхъ библейскій богъ получилъ новое названіе; подъ этимъ названіемъ онъ живетъ ужъ не на небѣ, а на землѣ, среди людей. Быть можетъ это прогрессъ, но во всякомъ случаѣ религія еще нигдѣ не исчезла, и не исчезнетъ она до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не будетъ *вѣрить* ни въ кого, кромѣ самого себя, не будетъ *надѣяться* ни на что, кромѣ своей собственной воли и энергіи, не будетъ *полагаться* ни на какую силу кромѣ своей собственной силы.

Итакъ, роль религіи заключается въ томъ, чтобы создать изъ рабочаго класса классъ добровольныхъ рабовъ. Къ счастью, въ силу многихъ обстоятельствъ религіи не удается выполнить всецѣло и вполнѣ свою роль. Если и не постоянно, то, по крайней мѣрѣ, въ извѣстные историческіе моменты въ подавленныхъ классахъ появляется своего рода атмосфера смутнаго недовольства и неопредѣленнаго желанія чего то лучшаго. Благодаря этой атмосферѣ и возможна дѣятельность революціонера. Выяснить массамъ ихъ смутное недовольство, облечь въ опредѣленныя формы ихъ неясныя желанія, сдѣлать недовольство сознательнымъ, выдѣлить изъ массы меньшинство энергичныхъ и смѣлыхъ людей, способныхъ повлечь за собою недовольное общество, — такова задача революціонера. Но какъ ее выполнить? Прежде всего, пропагандируя широко революціонныя идеи, иными словами, стараясь изъ людей, порабощенныхъ религіозными или свѣтскими религіями, сдѣлать людей морально свободныхъ, такъ какъ только морально свободные люди, способны освободиться отъ физическаго порабощенія господствующихъ классовъ, такъ какъ они одни способны совершить соціальную революцію. Но эта пропаганда обращается обыкновенно къ людямъ, уже сформированнымъ государствомъ для своего употребленія, она обращается къ людямъ, болѣе или менѣе зараженнымъ религіозными ядами, и нѣкоторые анархисты думаютъ, что она не даетъ всего того, что она могла бы дать. Во своихъ школахъ Государство и Религія прививаютъ

дѣтямъ выгодныя для правящаго класса идеи, чувства, понятія, и это образованіе кладетъ глубокій отпечатокъ на всю дальнѣйшую жизнь человѣка, оно такъ или иначе все таки сказывается въ его образѣ мышленія. А образъ мышленія, степень и качество чувствованія очень важны, и если соціаль-демократія имѣетъ такъ много приверженцевъ въ Германіи, быть можетъ это лишь потому, что образованіе тамъ еще очень религіозно.

Бороться съ этимъ отпечаткомъ религіозно-государственныхъ школъ крайне трудно, и нѣкоторые анархисты, придавая все-таки очень важное значеніе пропагандѣ идей и синдикальной непосредственной борьбы рабочихъ противъ буржуазіи, сочли необходимымъ заняться организаціей такъ называемыхъ раціональныхъ школъ.

Между этими дѣятелями извѣстенъ въ особенности Франциско Ферреръ, котораго испанское духовенство недавно предало смерти.

* * *

Франциско Ферреръ, сынъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, родился въ 1859 году въ одномъ городкѣ Барцелонской провинціи. Получилъ онъ, какъ и всѣ испанцы, религіозное образованіе. Четырнадцати лѣтъ онъ поступилъ на службу въ одинъ торговый домъ и тамъ подъ вліяніемъ своего хозяина, ярого противника религіи и духовенства, онъ мало-по-малу потерялъ всѣ свои религіозные предразсудки. Позже онъ поступилъ на службу въ одну желѣзнодорожную компанію, до 21-го года работалъ на службѣ и все свое свободное время посвящалъ самообразованію. Въ 1885 г. республиканецъ генералъ Виллакампо, пользуясь отсутствіемъ правящей тогда королевы и ея министровъ, попытался поднять войска и провозгласить въ Мадридѣ республику. Попытка не удалась, и такъ какъ Ферреръ принялъ участіе въ этомъ возстаніи, онъ долженъ былъ покинуть Испанію. Въ Парижѣ, куда онъ эмигрировалъ, онъ даетъ уроки испанскаго языка, переводитъ для своей страны противорелигіозныя книги, продолжаетъ свое образоваіе, и когда Испанія стала ему вновь открытой, онъ ѣздитъ туда во время каникулъ и ведетъ тамъ активную пропаганду противъ религіи и духовенства. Мало-по-малу подъ вліяніемъ событій, подъ вліяніемъ столкновенія съ учеными, съ революціонерами, съ рабочими, подъ вліяніемъ Франціи — этой лабораторіи великодушныхъ чувствъ, революціонныхъ теорій и геніальныхъ идей — мало-по-малу идеи Феррера расширяются и, хотя онъ оставался оффиціально въ республиканской партіи, всѣ его симпатіи склоняются къ синдикальному движенію и къ анархистическимъ идеямъ.

Въ Испаніи нѣтъ почти народныхъ школъ; 80 или 85% жителей не умѣютъ ни писать, ни читать; но за то въ этой странѣ масса монастырей, церквей, и вся страна заражена религіозной язвой, подавлена грубымъ, грязнымъ, невѣжественнымъ и жестокимъ духовенствомъ. Его тиранія ужасна и, за исключеніемъ страны кровавыхъ царей, пьяно-дикихъ казаковъ и озвѣрѣвшихъ громилъ — за исключеніемъ нашей матушки Россіи — никакая страна не переноситъ такой ужасной эксплуатаціи, какъ Испанія. Анархисты, соціалисты и даже республиканцы ведутъ тамъ геройскую борьбу. Тюрьмы переполнены борцами народа; на висѣлицахъ, въ пыткахъ умираетъ много героевъ. Рабочіе Барцелоны отъ времени до времени возстаютъ, ихъ бунтъ потопляютъ въ морѣ крови, и торжествуетъ жандармская сабля и поповскій крестъ.

Лучшія силы страны гибнутъ, а народная масса или не понимаетъ ихъ; или даже не знаетъ о тѣхъ жертвахъ, которыя приносятъ революціонеры во имя народной свободы.

Ферреръ думалъ, что серьезная революція невозможна, пока народъ не получитъ разумнаго образованія, пока онъ не будетъ освобожденъ отъ моральныхъ оковъ, въ которыхъ его держатъ религіозныя и другія догмы. Организовать, прежде всего, раціональное образованіе — таково было стремленіе Феррера; и когда одна изъ его учениць, одна француженка, послѣдовательница его идей, оставила ему по завѣщанію большую сумму денегъ, онъ посвятилъ себя всецѣло выполненію своего идеала. Правда уже раньше Феррера анархисты, соціалисты и республиканцы успѣли основать нѣсколько свѣтскихъ школъ, но эти школы не были координированы, не было необходимыхъ школьныхъ книгъ, не было подготовленныхъ учителей, не было выработаннаго метода образованія. Ферреръ занялся всѣмъ этимъ. Первая его школа была основана въ Барцелонѣ въ 1901 г. Вскорѣ онѣ умножились въ числѣ, такъ что послѣ барцелонской всеобщей стачки 1909 г. правительство смогло закрыть 120 этихъ школъ. Одновременно со своей школой Ферреръ открылъ книжное издательство, спеціально предназначенное для книгъ философскаго, популярно-научнаго или соціологическаго характера. Недостатокъ школьныхъ книгъ заставилъ его заняться приготовленіемъ и изданіемъ всѣхъ книгъ, необходимыхъ для раціональнаго образованія своихъ учениковъ.

Ферреру приходилось все создавать, начинать сначала, и впродолженіи шести лѣтъ онъ съ любовью и энергіей работалъ надъ организаціей раціональнаго воспитанія дѣтей.

Въ 1906 году испанскій король, — такой же выродокъ, помазанникъ божій, какъ и нашъ Николай, почувствовалъ потребность продолжать свою породу. Выписана была для этой цѣли одна изъ многочисленныхъ англійскихъ принцессъ, и 16-го мая испанское духовенство благословило ихъ соединеніе. По возвращеніи изъ собора была брошена въ эту пару бомба, которая, къ несчастію, не положила конца царствующей тамъ династіи: король и его самка были страшно перепуганы, но другого результата бомба не дала. Авторъ этого покушенія, Матео Морраль, былъ открытъ, и когда нѣсколько дней спустя одинъ стражникъ встрѣтилъ его и хотѣлъ его арестовать, Морраль убилъ его и покончилъ затѣмъ самъ съ собою.

Морраль, сынъ промышленника, человѣкъ умный и образованный, работалъ нѣкоторое время до покушенія въ издательствѣ Феррера. Этимъ и воспользовалось духовенство. Съ самого начала оно возненавидѣло новыя школы и его основателя. Дать дѣтямъ узнать результаты современной науки, позволить имъ понять эволюцію матеріи, начиная отъ атома и кончая человѣкомъ, учить ихъ теоріи зарожденія и развитія религій, развить въ нихъ любознательность и критическое мышленіе, — все это конечно опасно для духовенства и, пользуясь покушеніемъ Морраля, оно требовало смертной казни для Феррера. Ферреръ былъ арестованъ и преданъ суду. Во Франціи, въ Англіи и Италіи, гдѣ передовые элементы общества слѣдили съ большой симпатіей за дѣломъ Феррера, попытка духовенства убить основателя раціональнаго образованія въ Испаніи вызвала бурю негодованія, и ихъ протесты привели къ тому, что судъ оправдалъ Феррера, который, впрочемъ, и не зналъ о намѣреніяхъ Морраля. Правительство выпустило его на свободу и возвратило ему его конфискованное имущество. Тѣмъ не менѣе, всѣ его школы были закрыты, и на время онъ долженъ былъ уѣхать изъ Испаніи.

Ферреръ снова въ Парижѣ. Тамъ онъ входитъ въ сношенія съ учеными, съ литераторами, съ соціологами и основываетъ „Интернаціональную Лигу для раціональнаго воспитанія дѣтей". Ферреръ замѣтилъ, что оффиціальное образованіе, получаемое дѣтьми въ государственныхъ школахъ даже Франціи и Англіи, очень дурное. Это образованіе дается не въ интересахъ дѣтей, но въ интересахъ государства. Оно абстрактно, догматично и не соотвѣтствуетъ умственнымъ потребностямъ дѣтей; оно упражняетъ память, но не пониманіе, оно требуетъ вѣры въ слова учителей, но не размышленія дѣтскаго мозга, оно создаетъ своего рода глупыхъ попугаевъ. Преобразовать это образованіе, „пропитать его идеями науки, свободы и солидарности", въ то же время „изыскать методы, лучше всего приспособленные къ дѣтской психологіи и посредствомъ которыхъ можно было бы достигнуть наилучшихъ результатовъ съ наименьшей потерей силъ", — такова цѣль Интерн. Лиги. Лига сразу же пріобрѣла много приверженцевъ среди ученыхъ, писателей, анархистовъ, соціалистовъ и свободомыслящихъ; и въ числѣ первыхъ его членовъ были такіе люди, какъ Геккель, Анатоль Франсъ, Метерлинкъ, Поль Робэнъ, Малато, Нито, Себастьянъ Форъ, Семба и т. д. Самымъ главнымъ средствомъ дѣйствія было изданіе журналовъ. Въ Испаніи Лига продолжаетъ печатаніе „Бюллетеня Современной Школы". Въ Италіи она издаетъ „Свѣтскую Школу"; въ Перу — „Разумъ", въ Бельгіи и позже во Франціи — „Обновленную Школу". Редактированіе этихъ журналовъ, изученіе педагогическаго вопроса, изданіе для Испаніи такихъ книгъ, какъ „Земля и Человѣкъ" Элизе Реклю, „Соціологія", „Психологія народовъ" Летурно, „Ботаника" Ланессана, „Религія" Андрэ Лефевръ, „Происхожденіе жизни" Пергама, „Эволюція міровъ" Пергаля и т. д., поѣздка въ Испанію, гдѣ мало по малу его школы открываются вновь, — такова теперь дѣятельность Феррера.

* * *

Въ 1909 г. съ цѣлью защиты интересовъ нѣкоторыхъ копей, принадлежащихъ одной компаніи во главѣ которой стоитъ шефъ либе-

ральной испанской партіи, теперешній министръ графъ Романонесъ и реакціонеръ маркизъ Комилласъ, испанское правительство послало въ Марокко свои войска. Передовая пресса и рабочіе синдикаты высказались противъ войны, и народное недовольство было тѣмъ болѣе сильно, что правительство собиралось послать на войну резервистовъ — отцовъ семейства. Въ Мадридѣ одинъ полкъ взбунтовался, когда народъ освистывалъ, и на вокзалѣ, откуда отправляли солдатъ, толпа кричала „долой войну" и разбила солдатскіе вагоны. Въ Барселонѣ недовольство было также очень велико. Тамъ организовался стачечный комитетъ; онъ вошелъ въ сношенія съ большими промышленными городами Каталоніи и написалъ во всѣ города Испаніи, что на 26 іюля онъ объявляетъ всеобщую забастовку. Благодаря двусмысленному поведенію соціальдемократіи, благодаря открытому отказу республиканцевъ принять участіе во всеобщей забастовкѣ, все движеніе противъ войны сконцентрировалось въ Каталоніи и ея столицѣ Барселонѣ. 26 іюля, въ 4 часа утра, члены рабочей стачечной комиссіи обходятъ рабочіе кварталы и просятъ всѣхъ рабочихъ примкнуть къ забастовкѣ. Въ 9 часовъ утра положеніе остается еще неопредѣленнымъ, трамваи и конки еще работаютъ. Но вотъ изъ окрестностей приходятъ въ центръ города толпы рабочихъ, и женщины заставляютъ всѣхъ, кто еще работаетъ, объявить забастовку.

Положеніе женщины рабочаго класса болѣе ужасно, чѣмъ положеніе мужчины. Женщина не эксплуатируется только, какъ работница, но еще и какъ женщина, и надо сказать, что сами же рабочіе такъ или иначе, а иногда даже звѣрски-жестоко, эксплуатируютъ женщинъ — товарищей своего же класса. Женщина — рабыня хозяина, рабыня своего мужа и своихъ родныхъ. Женщина — инструментъ удовольствія для мужчинъ. Женщина, великая мученица, играла и играетъ очень важную роль въ исторіи моральнаго прогресса человѣчества. Все, что въ современномъ человѣкѣ есть хорошаго, дала женщина. Если инстинкты жестокости мало-по-малу уничтожаются; если чувства взаимной симпатіи, взаимнаго уваженія, состраданія и солидарности, если утонченность и деликатность нравовъ все болѣе и болѣе развивается, — этимъ человѣчество обязано женщинѣ. Женщина, приручивъ животныхъ, сохранивъ огонь, построивъ первое жилище, дала возможность зародиться цивилизаціи, и во весь періодъ развитія ея она медленно, но постоянно вліяла на человѣчество, облагораживая и, такъ сказать, очеловѣчивая его. Мало-по-малу чисто мужская цивилизація — цивилизація войнъ, убійства, грабежа становится болѣе женственной, мало-по-малу женщина водворяетъ на мѣсто ея цивилизацію мира, справедливости и любви, и въ истинномъ смыслѣ можно сказать, что будущая цивилизація будетъ почти всецѣло женской. Обвиняютъ женщинъ въ консервативности, но забываютъ, что Франція напримѣръ самая революціонная страна и въ то же время это страна съ болѣе всего женственной цивилизаціей. Если женщина и консервативна, ея консерватизмъ ничего общаго не имѣетъ съ реакціонизмомъ, и онъ не похожъ на консерватизмъ мужчины. Ея консерватизмъ какъ и ея революціонизмъ, вытекаетъ изъ однихъ и тѣхъ же чувствъ, и сообразно тому широки ли эти чувства или нѣтъ, интенсивны эти чувства или нѣтъ, она кажется революціонной или реакціонной. Мужчина консерваторъ для себя, женщина для другихъ, мужчина революціонеръ для себя, женщина для другихъ; въ сущности она менѣе консервативна, чѣмъ мужчина, и въ моменты, когда атмосфера подавленія, въ которой ее держитъ мужчина, просвѣтляется, она становится болѣе революціонной, чѣмъ мужчина, она идетъ дальше, она храбрѣе и болѣе настойчива въ осуществленіи своего идеала, чѣмъ мужчина. Обвиненіе женщинъ въ консерватизмѣ доказываетъ только *неумѣніе* пропагандистовъ привлечь женщину на сторону своего идеала, а тѣмъ не менѣе абсолютно необходимо, чтобы этотъ идеалъ былъ симпатиченъ женщинамъ, такъ какъ тамъ гдѣ женщина, тамъ и будущее.

— Какъ бы-то ни было въ Барселонѣ, благодаря активному вмѣшательству работницъ всеобщая забастовка осуществилась, и въ полдень вся работа тамъ была прекращена. Послѣ полудня во время одной драки рабочихъ съ жандармами солдаты отказались стрѣлять въ портовыхъ рабочихъ, которые имъ кричали: „не стрѣляйте товарищи, мы сражаемся за васъ". Два полка драгунъ отказались также стрѣлять въ народъ. Вечеромъ узнаютъ, что въ нѣкоторыхъ каталонскихъ городахъ рабочіе взорвали мосты, порвали телеграфныя проволоки и попортили желѣзныя линіи, въ другихъ городахъ была провозглашена республика, и народъ захватилъ въ свои руки городскія ратуши. Въ семь часовъ вечера вся Каталонія была охвачена забастовкой. 27 іюля народъ захватываетъ все оружіе, которое онъ могъ найти въ магазинахъ и строитъ баррикады. Вдругъ раздаются звуки набата: горитъ одинъ богатый монастырь. Пожарные стараются потушить огонь, но народъ противится этому. Черезъ нѣсколько минутъ горитъ другой монастырь, затѣмъ третій, четвертый и т. д. Въ продолженіи слѣдующей ночи 49 церквей и монастырей освѣщаютъ городъ ярко-трагическимъ свѣтомъ.

Нѣтъ больше ни телеграфныхъ, ни телефонныхъ, ни желѣзнодорожныхъ сообщеній: Барселона отдѣлена отъ всей Испаніи. 28-го происходятъ еще нѣсколько стычекъ съ жандармеріей, горятъ еще нѣсколько другихъ церквей и монастырей. Солдаты братаются съ рабочими. Съ 29-го числа въ Барселону начинаютъ приходить посланные правительствомъ полки, артиллерія бомбардируетъ баррикады, дома, рабочіе кварталы и на горахъ рабочихъ труповъ водворяетъ буржуазный порядокъ. Другіе города не объявили всеобщей забастовки, перепуганные соціальдемократы и республиканцы не помогли Барселонѣ, и возстаніе этого революціоннаго рабочаго города было еще разъ раздавлено въ крови.

Начинаются массовые аресты, дикія репрессіи, и вновь вся реакціонная пресса Испаніи требуетъ смерти Феррера. Ферреръ въ это время былъ въ Испаніи и работалъ надъ изданіемъ „Великой Революціи" Кропоткина. Барселонскія событія разразились совершенно неожиданно для него, какъ и для другихъ, и никакого участія онъ въ нихъ не принималъ. Но реакція видитъ въ этихъ событіяхъ вліяніе школъ Феррера и во что бы то ни стало требуетъ его смерти. Полиція дѣлаетъ обыски у Феррера, конфискуетъ всѣ бумаги, касающіяся Лиги, уничтожаетъ 110000 томовъ его изданій, фабрикуетъ ложные доносы и, наконецъ, въ концѣ августа арестовываетъ его. Военный слѣдователь старается во что бы то ни стало доказать, что Ферреръ былъ моральнымъ и реальнымъ руководителемъ возстанія и, такъ какъ доказать это было невозможно, то на судъ не призываютъ ни одного свидѣтеля со стороны Феррера, основываются на нелѣпыхъ ложныхъ полицейскихъ доносахъ и при посредствѣ реакціонной прессы ведутъ гнусную компанію противъ раціональныхъ школъ, противъ Лиги и противъ основателя ея. Военные судьи, эти естественные лакеи всякой реакціи, присудили Феррера къ смерти.

На этотъ разъ, наконецъ, буржуазія, духовенство, правительство торжествуютъ: всѣ они хорошо знаютъ, что въ Барселонскомъ возстаніи Ферреръ не принималъ никакого участія, но онъ для нихъ былъ еще болѣе зловреденъ, чѣмъ обыденный революціонеръ. Буржуазія, духовенство, правительство убили Феррера *за то, что онъ основалъ раціональную школу для народа.* 13 октября рано утромъ приговоръ суда былъ выполненъ. „Цѣльтесь хорошо, это не ваша вина; да здравствуетъ Новая Школа" — таковы были его послѣднія слова. Раздались выстрѣлы, и солдатскія пули положили конецъ этой жизни, всецѣло посвященной моральному и умственному преобразованію народа.

Какова была задача основанной въ Барселонѣ Ферреромъ раціональной школы? Англійскій ученый Чифордъ, членъ интернаціональной лиги раціональнаго воспитанія дѣтей отвѣчаетъ такъ на этотъ вопросъ: „Ферреръ говорилъ, что задача его школы состоитъ въ томъ, чтобы создать изъ дѣтей обоего пола мужчинъ и женщинъ, любящихъ истину и справедливость и способныхъ понять идеи свободы. Для выполненія этой задачи школа замѣняетъ догматическіе методы раціональными методами естественныхъ наукъ, дабы воспитать и развить въ ребенкѣ свойственныя ему способности и, дѣлая такимъ образомъ изъ ребенка полезнаго члена общества, увеличить моральный и умственный уровень массъ. Образованіе основано на слѣдующемъ принципѣ: сидитъ ли ребенокъ въ школѣ, гуляетъ ли онъ со своими товарищами и учителями въ лѣсу или на берегу моря, посѣщаетъ ли онъ фабрики или лабораторіи, вездѣ обращаешься прежде всего къ его личному наблюденію, дабы развить въ немъ разумный интересъ ко всѣмъ разнообразнымъ вещамъ. Вмѣсто того, чтобы наполнить его голову всякими готовыми знаніями, стараешься, чтобы онѣ зародились въ его собственномъ сознаніи и естественно вытекали бы изъ его собственнаго ума, — такимъ образомъ образованіе становится сотрудничествомъ между учителями и учениками". Съ другой стороны вотъ что пишетъ Анзельмо Лоренцо, профессоръ барцелонской школы, старый революціонеръ, который въ

ожиданіи смертнаго приговора сидитъ еще и теперь въ Монжуихѣ, этой самой ужасной испанской тюрьмѣ: „До сихъ поръ образованіе состояло въ передачѣ дѣтямъ традиціонныхъ ошибокъ. Религіозная догма, юридическая догма и власть, служащая для поддержанія этихъ догмъ, — такова основа современнаго общества. Ясно, что образованіе дается лишь съ цѣлью привить ребенку вѣру, повиновеніе, несопротивленіе и покорность. Оффиціальный педагогъ это своего рода Прокрустъ, который насилуетъ естественныя способности ребенка и дѣлаетъ изъ дѣтей покорныя, вѣрующія и боязливыя существа. Раціональное образованіе разбиваетъ эту однообразную форму, оно увольняетъ педагога Прокруста, оно отбрасываетъ всякую метафизику. Оно называетъ вещи ихъ именами, анализируетъ ихъ въ ихъ сущности, происхожденіи и слѣдствіяхъ и преподаетъ знанія, т. е. лишь точныя данныя. Оно не старается дѣлать ученыхъ, но стремится предохранить молодые умы отъ ошибокъ, которыя нѣкоторыми считаются истинами, открытыми людямъ богомъ. Оно не насилуетъ характеровъ, не уничтожаетъ естественныхъ способностей, но приготовляетъ мужчинъ и женщинъ, обладающихъ полнымъ умственнымъ развитіемъ, и которые, благодаря сознательной энергіи, уничтожатъ несправедливость и абсурдность соціальныхъ отношеній. Вотъ какъ я понимаю ферреровскую школу, и вотъ почему ее такъ возненавидѣли тѣ, кто смотритъ на библію, какъ на выраженіе Истины и на законъ, какъ на выраженіе Справедливости".

Въ свою очередь, испанскій революціонеръ Мигуель Морено оцѣниваетъ такъ ферреровскую школу: „Нѣкоторые говорятъ, что Ферреръ ничего новаго не внесъ въ образованіе, что онъ основалъ просто обыкновенныя свѣтскія школы въ Испаніи и что эти школы уже существуютъ въ другихъ странахъ. Вѣрно-ли это? Въ настоящее время существуетъ два рода образованія: религіозное и политическое. Въ религіозной школѣ ребенка обучаютъ евангелію, библіи и даютъ ему маленькую долю полезныхъ знаній. Въ политической „свѣтской" школѣ, въ той формѣ, въ какой она существуетъ во Франціи, у ребенка развиваютъ патріотизмъ и учатъ его, что современная администрація есть самый лучшій образецъ хорошаго правительства. И то, и другое образованіе — противочеловѣчно и ничего общаго не имѣетъ съ раціональнымъ образованіемъ. „Не будемъ терять времени на то, чтобы просить у какого-то воображаемаго бога того, чего можно только достичь человѣческимъ трудомъ" — таково образованіе, которое даетъ раціональная школа. Наука доказала, что боги — это лишь миѳы и что, слѣдовательно, злоупотребляютъ невѣжествомъ родителей и довѣрчивостью дѣтей, когда вкореняютъ въ нихъ вѣру въ какое то сверхъестественное существо, создавшее міръ, отъ котораго благодаря молитвамъ можно добиться чего угодно. И эта вѣра, распространяемая школой, является источникомъ многихъ золъ.

Раціональная школа, благодаря чисто научному методу, старалась доказать, что чѣмъ лучше знаешь естественные продукты, ихъ свойства и качества, чѣмъ лучше умѣешь пользоваться ими, тѣмъ обильнѣе будутъ питательные, индустріальные, научные и артистическіе продукты. „Не будемъ терять времени на то, чтобы требовать отъ другихъ все, что намъ необходимо и чего мы можемъ добиться своими собственными усиліями" — таково образованіе ферреровской школы. Эта школа создаетъ людей, морально сильныхъ и надѣющихся только на самихъ себя, тогда какъ политическая школа пріучаетъ людей полагаться на правителей, вѣрить въ энергію всевозможныхъ начальствъ, кажущихся имъ высшими существами. Свѣтская школа имѣетъ съ религіозной создали политическую власть, которая мѣшаетъ освобожденію человѣчества. Съ этой точки зрѣнія задача раціональной школы заключалась въ томъ, чтобы „доказать, что пока люди будутъ передавать свое собственное дѣло въ руки делегатовъ — будетъ существовать власть, тиранія, рабство. Ея задача была изучить причины существованія народнаго невѣжества и заставить учениковъ мыслить надъ всѣмъ, что они видятъ вокругъ себя". Она старалась доказать будущимъ мужчинамъ и женщинамъ, что имъ ничего нельзя ожидать отъ какихъ то привилегированныхъ фиктивныхъ или реальныхъ существъ, и что, напротивъ, они могутъ ожидать всего только отъ своей собственной энергіи и отъ свободно принятой организованной солидарности. Такова школа Феррера, и она ничего общаго не имѣетъ ни съ религіозной школой, ни съ политической, такъ называемой свѣтской школой.

И это тѣмъ болѣе вѣрно, что вотъ, напримѣръ, нѣсколько изреченій, которыя были вывѣшены въ одной школѣ въ Валенсіи: „Тѣ, кто организуютъ арміи, являются палачами и убійцами человѣчества", „Причина всѣхъ несправедливостей, отъ которыхъ страдаютъ люди, заключается въ вѣрѣ въ сверхъестественное существо и въ соціальныхъ отношеніяхъ, которыя основаны съ помощью религіи", „Знамя есть разноцвѣтная тряпка, привязанная къ палкѣ, — символъ тираніи и бѣдности", „Всякая война, объявленная подъ предлогомъ защиты національной чести, служитъ лишь предлогомъ для лучшаго ограбленія націи. Солдаты должны пользоваться своимъ оружіемъ противъ тѣхъ, кто приказываетъ имъ убивать. При объявленіи войны солдатамъ необходимо объявить всеобщую забастовку", „Европейскія правительства убиваютъ для своего удовольствія каждый годъ больше людей, чѣмъ сколько есть звѣздъ на небѣ", „Собственность образовалась благодаря грабежу и воровству, которые именуются индустріей и коммерціей", „Всѣ бѣдствія, всѣ страданія, всѣ несправедливости берутъ источникъ въ этой жестокой и глупой вещи, извѣстной подъ именемъ — отечество". Наконецъ, вотъ какъ понималъ Ферреръ свою собственную задачу. Въ своей статьѣ „Обновленіе школы" онъ изложилъ слѣдующія идеи: „Обновленіе дѣтскаго воспитанія можетъ быть достигнуто двумя средствами: или изученіемъ ребенка, научнымъ доказательствомъ непригодности современной воспитательной организаціи и постепеннымъ улучшеніемъ ея; или же основаніемъ новыхъ школъ, гдѣ были бы приложены немедленно принципы, вытекающіе изъ идеала будущаго общества, который создаютъ люди, не признающіе предразсудковъ, лжи, жестокости и подлости — этихъ основъ современнаго общества. Конечно, первое средство представляетъ много выгодъ, и ученые, придерживающіеся точки зрѣнія эволюціи, понятіямъ коихъ она соотвѣтствуетъ, скажутъ, что только это средство можетъ дать результаты. Въ теоріи они правы, и, несомнѣнно, что благодаря изученію психологіи и физіологіи ребенка методы образованія улучшатся. Но въ дѣйствительности тѣ, кто борется за эмансипацію человѣчества, не должны надѣятся на это средство. Правительство всегда старалось держать въ своихъ рукахъ воспитаніе массъ. Лучше, чѣмъ кто либо, они знаютъ, что ихъ могущество основано на школѣ, и поэтому то они ее и захватили. Прошло то время, когда они противились народному образованію. Раньше это было для нихъ возможно, такъ какъ экономическія условія допускали народное невѣжество, облегчавшее господство надъ трудящимися массами. Теперь, благодаря революціи въ производствѣ и условіяхъ труда, стало невозможнымъ больше держать народъ въ невѣжествѣ: необходимо, чтобы онъ былъ образованъ, дабы во всемірной конкурренціи удержать экономическое положеніе страны и идти по пути экономическаго прогресса дальше, чѣмъ конкуррирующая страна. И съ этого момента правительства занялась народнымъ образованіемъ и организаціей школъ, не потому, чтобы они хотѣли при посредствѣ школъ преобразовать общество, но только потому, что они нуждались въ искусныхъ рабочихъ, способныхъ оплодотворить капиталистическія предпріятія и увеличить своимъ трудомъ вложенные туда капиталы. И даже самыя реакціонныя правительства пошли по этому пути, такъ какъ они поняли, что старая тактика становится опасной для экономической жизни націй и что необходимо приспособить народное воспитаніе къ новымъ условіямъ. Но не нужно думать, что правительства не предвидѣли тѣхъ опасностей, которыя выростутъ для нихъ на почвѣ умственнаго развитія массъ. Они ихъ предвидѣли и перемѣнили свои методы правленія. Эти методы приспособились къ новымъ условіямъ жизни. Стараясь, все таки, сохранить тѣ вѣрованія, на которыхъ раньше была основана соціальная дисциплина, они теперь приспособляютъ научныя концепціи къ существующимъ учрежденіямъ и отнимаютъ у этихъ научныхъ концепцій все, что могло бы вредить правящему классу. И потому они захватили въ свои руки народное образованіе. Пробужденіе человѣческаго ума, желаніе эмансипаціи, зародившееся изъ условій новой жизни, было для нихъ, конечно, опасно, но бороться противъ эволюціи невозможно, и они дали ей такое направленіе, которое было выгодно ихъ интересамъ. И для этого они основали свои школы и широко распространили образованіе. Въ первое время нѣкоторые реакціонные элементы противились этому, но вскорѣ они поняли всю важность школъ, и тогда началась между буржуазными партіями сильная борьба за первенствующую роль въ управленіи народнымъ образованіемъ. Лозунгомъ всѣхъ партій стало: „Все для школы, и все черезъ школу!"

Добрый народъ долженъ былъ быть тронутъ такими заботами о немъ; всѣ желаютъ, чтобы онъ былъ образованъ и даже, чтобы онъ былъ счастливъ. Раньше можно было говорить народу: „Эти

то хотятъ тебя держать въ невѣжествѣ для того, чтобы тебя эксплуатировать, а мы хотимъ тебя образовать, чтобы ты былъ свободенъ!" Этого теперь сказать нельзя, такъ какъ вездѣ строятъ всевозможныя школы. Это то новое отношеніе правительствъ къ школамъ и заставляетъ меня сомнѣваться въ ихъ безкорыстіи и въ возможности серьезнаго улучшенія оффиціальнаго образованія, такъ какъ коренное преобразованіе школъ, способное мало по малу уничтожить самое буржуазное общество, не соотвѣтствуетъ нисколько интересамъ правительства. Мы знаемъ хорошо, что тѣ, кто добивается власти, имѣютъ въ виду защиту своихъ собственныхъ интересовъ и удовлетвореніе своихъ инстинктовъ. Мы не вѣримъ больше въ ихъ слова, которыя маскируютъ ихъ честолюбіе. Есть еще наивные люди, которые думаютъ, что правительства искренно и на самомъ дѣлѣ желаютъ счастія народу, но ихъ все меньше и меньше, и нашъ вѣкъ такъ позитивенъ, что трудно обмануться на счётъ намѣреній тѣхъ, кто нами управляетъ. Точно такъ же, какъ они уже съумѣли воспользоваться необходимостью образованія и сдѣлали его безопаснымъ для своихъ интересовъ, такимъ же образомъ они еще разъ смогутъ сдѣлать то-же самое. Надо видѣть вещи вполнѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ и какъ онѣ упрочиваются, чтобы понять всю иллюзорность мечтаній какъ тѣхъ людей, которые думаютъ преобразовать общество посредствомъ постепеннаго улучшенія государственныхъ школъ, такъ и тѣхъ, которые ожидали всего отъ образованія. Современная школьная организація не только не соотвѣтствуетъ идеальной организаціи, но она дѣлаетъ изъ образованія самое могучее орудіе подавленія массъ въ пользу правительства. Учителя этихъ школъ, сами воспитанные по авторитарному методу, являются сознательными или безсознательными орудіями воли правительства, и подавленные школьною организаціею, они способны только къ повиновенію. Современное образованіе, есть своего рода дрессировка, оно подавляетъ дѣтей умственно, физически и морально, и вся его цѣль направлена къ тому, чтобы пріучить ребенка повиноваться, вѣрить и думать сообразно господствующимъ соціальнымъ догмамъ. Оно не ставитъ своею цѣлью свободное развитіе дѣтскихъ способностей и свободное удовлетвореніе его физическихъ, моральныхъ и умственныхъ потребностей, но оно старается помѣшать навсегда мыслить иначе, чѣмъ того требуетъ сохраненіе существующихъ учрежденій; однимъ словомъ, оно старается приспособить точно индивида къ соціальному механизму. Нечего, слѣдовательно, удивляться, что такого рода воспитаніе не оказываетъ никакого вліянія на эмансипацію человѣчества. Я повторяю, воспитаніе въ рукахъ правительствъ является орудіемъ господства; они никогда не желали освобожденія индивида, но его подавленія и совершенно безполезно ожидать чего бы то ни было отъ нынѣшней школы. И то, что было въ прошломъ, будетъ продолжаться, такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы правительства перемѣнили свою систему. Они успѣли поработить образованіе въ свою пользу, почему же они не успѣютъ въ будущемъ воспользоваться всѣми улучшеніями, которые могутъ быть предложены.

Имъ достаточно будетъ удержать авторитарную дисциплину, которая господствуетъ въ ихъ школѣ, для того, чтобы эти улучшенія стали полезными для нихъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что это такъ будетъ. Я бы хотѣлъ обратить вниманіе читателя на слѣдующую идею: „Вся цѣнность воспитанія заключается въ уваженіи къ физической, умственной и моральной волѣ ребенка. Настоящее воспитаніе не должно быть догматическимъ; стремленія ребенка къ пониманію и познанію должны быть свободны, и роль воспитателя состоитъ въ помощи этимъ усиліямъ. Но это очень трудно, и почти всегда воспитатель насилуетъ волю ребенка. Настоящій воспитатель лишь тотъ, который умѣетъ лучше всего защищать ребенка противъ своихъ же воспитательскихъ идей и своей же воли, и который старается, чтобы онъ мыслилъ своимъ умомъ, желалъ своею волей и дѣйствовалъ своей энергіей. Отсюда ясно, что воспитаніе очень легко получаетъ тотъ отпечатокъ, который желаютъ ему придать и что нѣтъ ничего легче, какъ подавить индивида. Даже самые лучшіе методы воспитанія становятся въ ихъ рукахъ могучимъ средствомъ господства. Нашъ идеалъ это идеалъ науки, и мы требуемъ отъ нея дать намъ возможность воспитать ребенка, способствуя его развитію посредствомъ удовлетворенія всѣхъ его потребностей по мѣрѣ того, какъ онѣ зарождаются и расширяются. Мы убѣждены, что будущее воспитаніе не будетъ состоять въ принужденіи. Эволюція методовъ въ смыслѣ лучшаго пониманія жизни, тотъ фактъ, что всякое улучшеніе состоитъ въ уничтоженіи принужденія позволяетъ намъ думать, что наука освободитъ ребенка. Но развѣ таковъ идеалъ правительствъ? Развѣ они желаютъ уничтоженія насилія? Нѣтъ, они употребятъ новые и болѣе усовершенствованные методы воспитанія для той же своей цѣли, т. е. для формировки существъ, покорно принимающихъ всѣ предразсудки и всю ложь на которой основано общество. Скажемъ безъ боязни: мы *хотимъ людей, способныхъ безпрерывно эволюціонировать, способныхъ разрушать и обновлять безпрерывно среду и обновлять самихъ себя; людей, умственная сила которыхъ будетъ заключаться въ умственной независимости и которые, безъ всякой привязанности къ чему бы то ни было, готовы всегда будутъ принять лучшее, людей находящихъ свое счастье въ торжествѣ новыхъ идей и стремящихся прожить многочисленныя жизни въ одной жизни.* Общество боится такихъ людей, и не надо, слѣдовательно, надѣяться, что когда либо оно организуетъ воспитаніе, способное ихъ дать.

Какова же наша задача? Какимъ образомъ мы можемъ способствовать обновленію школы?

Мы будемъ слѣдить съ большимъ вниманіемъ за работами ученыхъ и будемъ стараться реализовать въ воспитаніи ихъ открытія. Но какимъ образомъ мы достигнемъ нашей цѣли, т. е. образованія, способнаго все болѣе и болѣе освободить индивида? Немедленно же принимаясь за работу и основывая школы, гдѣ бы, насколько возможно, господствовалъ тотъ духъ свободы, на которомъ всецѣло основано будущее воспитаніе. Благодаря опыту уже доказано, что мы можемъ уничтожить въ школѣ все то, что соотвѣтствуетъ организаціи принужденія, мы можемъ уничтожить искусственную среду, гдѣ дѣти живутъ вдали отъ природы и жизни, мы можемъ уничтожить моральную и умственную дисциплину, посредствомъ коихъ даютъ дѣтямъ готовыя идеи и вѣрованія, портящія и уничтожающія волю ребенка. Безъ боязни ошибиться мы можемъ возвратить ребенка природной средѣ, гдѣ онъ будетъ находиться въ соприкосновеніи со всѣмъ, что онъ любитъ; впечатлѣнія жизни замѣнятъ скучные словесные выговоры. И сдѣлавъ уже это одно, мы сдѣлаемъ многое для освобожденія ребенка, и въ этой новой средѣ мы сможемъ свободно приложить научныя данныя и полезно работать. Я знаю хорошо, что мы не сможемъ осуществить всѣ свои надежды, что очень часто по недостатку опыта мы употребимъ плохія средства, но какъ бы то ни было мы увѣрены, что въ выполненіи нашей задачи мы достигнемъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ достигаетъ современная школа. Я предпочитаю свободнаго ребенка, который не знаетъ ничего, ребенку со словеснымъ образованіемъ и умственнымъ уродствомъ, полученнымъ въ современной школѣ..."

Итакъ испанское духовенство и правительство убило Феррера. Несмотря на протесты всѣхъ мыслящихъ въ Европѣ людей приговоръ былъ выполненъ. Казнь Феррера вызвала бурю негодованія. Стотысячныя демонстраціи и митинги протеста въ Англіи, Франціи, Италіи, Америкѣ доказываютъ, что народъ понялъ Феррера и что его дѣло полезно и необходимо народу. Убитый Ферреръ сталъ живымъ символомъ, и его смерть не положила конца его дѣлу. Напротивъ, какъ пишетъ профессоръ Лезанъ, „во всѣхъ странахъ открывается новая эпоха борьбы противъ подавленія умовъ, и эта борьба не будетъ вестись подъ видомъ антиклерикализма, который отвлекая рабочихъ отъ соціальной борьбы выгоденъ буржуазіи, но она пойдетъ по другому направленію. Отнынѣ мы будемъ бороться противъ догматическаго порабощенія, такъ какъ мы рѣшили бороться противъ всѣхъ видовъ порабощенія. Мы будемъ защищать ребенка и требовать для него раціональнаго воспитанія, такъ какъ слѣдующее поколѣніе, чтобы удержать за собой результаты революціи, должно быть составлено изъ сознательныхъ индивидовъ, а не изъ грубыхъ безсознательныхъ животныхъ."

А. Н.

О пропагандѣ среди крестьянъ

Замѣтки пропагандиста

(Окончаніе)

Остановимся прежде всего на индивидуализмѣ крестьянъ, поскольку этотъ индивидуализмъ проявляется въ желаніи вести отдѣльныя, не-артельныя сельскія хозяйства. Нерѣдко встрѣчаются такіе крестьяне, которые болѣе чѣмъ равнодушно слушаютъ

разсказы о преимуществахъ общинно-артельнаго труда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о будущемъ общественномъ строѣ, въ которомъ не будетъ препятствій, нынѣ мѣшающихъ крестьянамъ организовать артели. Тѣмъ не менѣе, опытный пропагандистъ быстро убѣдится, что крестьяне не потому высказываются противъ артельнаго труда, что имъ не по сердцу экономическое равенство, къ которому приближаетъ такой трудъ, а потому, что не видятъ въ этомъ трудѣ необходимости какъ разъ для этого равенства. „Послушай, говорю я своему хорошему знакомому, пожилому уже крестьянину, подѣлимъ мы землю, инвентаря у всѣхъ будетъ достаточно, почему же намъ не работать міромъ?" — „А зачѣмъ?" — „Какъ зачѣмъ? вѣдь при отдѣльномъ хозяйствѣ заболѣешь ты, и твоя полоса останется незапаханной, семья будетъ голодать." — „Зачѣмъ незапаханной — запашутъ." — „Кто запашетъ?" — „Да наши мужики запашутъ" (говорится вполнѣ увѣренно). — „Ну, а если умрешь, останутся дѣти — сироты, тогда какъ?" — „Все такъ же; запашутъ и ихъ надѣлъ: вѣдь самъ же ты говорилъ, что сиротскій надѣлъ міромъ пахать будемъ." — „Да почему же ты міромъ всю работу не хочешь работать?" — „Для чего не хотѣть; мы отъ міра не отходчики, какъ міръ, такъ и мы... да только ты лучше скажи, для чего намъ міромъ работать?"

А кто знаетъ, — для чего? Пустяковъ крестьянину говорить нельзя; я великолѣпно знаю, что онъ мыслитъ свое отдѣльное хозяйство совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ буржуа, а всѣ мои аргументы хороши тогда, когда рѣчь идетъ о буржуазномъ хозяйствѣ. Я знаю, что онъ подѣлитъ землю, не давъ никому лишняго „лапти" земли передъ другимъ; знаю, что земля не будетъ продаваться, дариться и пр., вообще не будетъ скопляться въ немногихъ рукахъ; знаю, что онъ не особенно увлечется артелью какъ видомъ страховки, такъ какъ для того, чтобы застраховать часть посѣва отъ града, вымочекъ, засухъ (дождя полосой), онъ разбросаетъ свои полосы въ разныхъ мѣстахъ, что поможетъ кстати и уравнять качество земли; мнѣ извѣстно, конечно, что разныя невзгоды неравно обрушиваются на отдѣльныя хозяйства, но я понимаю, что такими доводами, какъ ссылка на случайность, убѣдительно аргументировать нельзя, тѣмъ болѣе, что крестьянинъ вѣритъ въ сосѣдскую помощь въ будущемъ обществѣ. Крестьянинъ увѣренъ, что при равныхъ условіяхъ земельнаго надѣла, при помочахъ во время болѣзни и при другихъ несчастіяхъ, при хлѣбозапасныхъ магазинахъ, при отсутствіи грабежа ростовщиковъ и пр. и пр. крестьяне будутъ жить равно, „одинъ къ одному"; онъ убѣжденъ, что равныя условія землепользованія, при наличности давно уже выработанныхъ обычнымъ правомъ проявленій взаимопомощи, создадутъ и равное благосостояніе; только лѣнивый будетъ жить хуже прилежнаго. Конечно мнѣ извѣстно, что артелью все таки выгоднѣе вести полевое хозяйство; всѣ эти выгоды я могу по пальцамъ пересчитать, но мнѣ извѣстно также, что при наличности современнаго инвентаря, при современной сельско-хозяйственной техникѣ эти выгоды не особенно велики. Указываешь на нихъ. „Что-жъ, мы отъ міра не прочь", слышишь традиціонный отвѣтъ, „если Васька будетъ отлынивать отъ работы, такъ справимся съ лодыремъ"... Чувствуешь все таки безнадежное безразличіе отвѣта. Это не пугаетъ меня — я вижу передъ собою не буржуа-поклонника частной собственности; крестьянинъ поведетъ свое хозяйство не на своей, а на „ничьей" землѣ, его участокъ будетъ равенъ участку сосѣда... это серьезныя предпосылки артели. Веду разговоръ дальше. „Ты слыхалъ о паровомъ плугѣ?" Крестьянинъ заинтересованъ, подробно разспрашиваетъ о немъ (надо знать цѣну, устройство такого плуга, говорить о немъ только тогда, когда онъ можетъ быть примѣненъ на данной почвѣ и на данной поверхности); далѣе рѣчь заходитъ о жатвенной машинѣ (не „лобогрѣйкѣ", а объ американской фермерской) и о другихъ сельско-хозяйственныхъ машинахъ. Мужика узнать нельзя: онъ весь оживляется, и когда спрашиваешь его: „какъ же тутъ быть? на вашихъ полосахъ паровымъ плугомъ не распашешься, жаткѣ тоже дѣлать нечего"... Онъ смѣется и увѣреннѣе меня говоритъ, что при такихъ машинахъ безъ артели не обойдешься; артель сразу становится для него желанной, практически возможной, и онъ переспрашиваетъ и о другихъ выгодахъ коопераціи.

Итакъ, отъ рѣзко выраженнаго индивидуализма крестьянинъ послѣ одного разговора переходитъ къ мечтамъ объ артели, а отсюда не такъ ужъ далеко (онъ легко соглашается на дѣлежъ по ѣдокамъ) и до сельско-хозяйственной коммуны.

Разумѣется, у меня языкъ не повернется говорить съ крестьяниномъ о преимуществахъ коттэджа на четыре семьи передъ избою на одно семейство — это что-то далекое нереальное; не стану говорить „объ одной кухнѣ на 20 избъ", такъ какъ знаю, что меня засмѣютъ въ этомъ случаѣ бабы, которыя, впрочемъ, соглашаются, что лучше печь хлѣбъ въ большой пекарнѣ, по очереди; засмѣютъ какъ разъ тѣ бабы, которыя умильно вздыхали, слушая мой разсказъ о фермерской жаткѣ, которой правитъ 12-и лѣтній мальчикъ; оно и понятно: тяжела страда крестьянки.

Въ другихъ мѣстностяхъ крестьяне легче соглашаются на артельную работу (въ будущемъ). Быть можетъ это объясняется тѣмъ, что въ этихъ мѣстностяхъ сильнѣе воспоминанія о большихъ семействахъ, сильнѣе развиты помочи, общественныя запашки (не тѣ, которыя заведены по приказу начальства, а крестьянскія), лучше сохранились разнообразныя формы отъ артельнаго труда и т. п.

Общее между нами и крестьянами и то, что ни мы, ни они не продумали въ конкретныхъ подробностяхъ вопроса о томъ, какъ придется устроиться вольнымъ общинамъ. Правда, въ рядѣ случаевъ крестьяне не хуже насъ знаютъ, что придется дѣлать; тѣ совѣщанія, напр., которыми замѣняетъ Годвинъ гражданскій судъ, какъ бы заимствованы изъ крестьянскаго обычнаго права. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ни мы, ни крестьяне не знаемъ, какъ отвѣтить на какой либо вопросъ. Разговаривая съ крестьянами, нельзя отговариваться тѣмъ, что будущее покажетъ, какъ заживутъ освободившіеся отъ властей и эксплуатаціи люди, и, даже твердо зная принципы нашего ученія, необходимо тщательно продумать ихъ практическое воплощеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Я никогда не выступалъ учителемъ крестьянъ; вмѣстѣ съ ними искалъ я, какъ надо поступить въ томъ или другомъ случаѣ, бралъ отсрочки, чтобы „сообразиться", и отъ этого дѣло пропаганды только выигрывало. Чѣмъ больше знаетъ пропагандистъ, тѣмъ лучше. Нашу основную литературу онъ долженъ знать очень хорошо, долженъ имѣть ясное представленіе о крестьянскомъ хозяйствѣ, объ агрономіи, объ общинномъ, подворномъ, отрубномъ и четвертномъ владѣніи, объ обычномъ правѣ, хоть немного, знать право писанное; но сколько бы ни зналъ онъ надо идти къ крестьянамъ не для того только, чтобы учить, но и для того, чтобы уча учиться: удивительно великъ у нихъ запасъ накопленнаго соціальнаго опыта. Громадное значеніе имѣетъ пропагандистъ въ роли критика современныхъ порядковъ; въ этомъ случаѣ необходимо имѣть большой запасъ интересныхъ для крестьянъ фактовъ: надо заранѣе знать, что будешь говорить о царѣ, чиновникахъ, крестьянскомъ банкѣ, законѣ 9-го ноября и т. п. Но этого мало, надо умѣть разсказать о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянство жило безъ начальства, о томъ, гдѣ и когда устраивались сельскія артели- общины и сельскія коммуны все равно въ Россіи или въ Америкѣ, у сектантовъ или православныхъ; необходимо хорошо знать и умѣть разсказывать исторію крестьянскихъ бунтовъ; жадно слушаютъ крестьяне о движеніяхъ крестьянъ при Иванѣ Болотниковѣ, Степанѣ Разинѣ, Емельянѣ Пугачевѣ, о французской жакеріи, о крестьянскихъ войнахъ въ Германіи, о возстаніи номеновъ при Ванъ-Тайлорѣ въ Англіи и пр. и пр. Все это надо знать очень точно: помнить года, имена, мѣста. Особенно важно для пропагандиста продумать строй будущей сельской коммуны въ его главныхъ очертаніяхъ и свои выводы провѣрить въ разговорахъ съ крестьянами. Рѣчь идетъ не объ одномъ только землепашествѣ, но и о промыслахъ. Говоря о кустарничествѣ, напр., я всегда и энергично настаивалъ на необходимости устроить общія помѣщенія для работы (свѣтелки, кузницы и т. п.), исходя изъ того, что ихъ дешевле отопить и освѣщать, изъ того, что въ избахъ работать нездорово, грязно и т. п. Начавъ съ помѣщеній, говоришь о выгодахъ артельнаго труда (въ данномъ опредѣленномъ случаѣ его примѣненія), развиваешь весь планъ артели для всѣхъ мѣстныхъ кустарей, говоришь о пріобрѣтеніи матеріаловъ, о сбытѣ продуктовъ, разсматриваешь артель, какъ одно изъ учрежденій будущей сельской коммуны.

Здѣсь нельзя, разумѣется, перечислить даже внѣшніе пріемы пропаганды. Цѣль предыдущаго изложенія сводится только къ желанію показать, что наша пропаганда, благодаря сходству нашего міровоззрѣнія съ крестьянскимъ, легка, а съ другой стороны показать, что она является такой, къ которой нельзя относиться легкомысленно, тѣмъ болѣе, что мы ведемъ пропаганду словомъ только для того, чтобы это слово въ самомъ непродолжительномъ времени стало настоящимъ дѣломъ.

Здѣсь надо бы остановиться на религиозной пропагандѣ толстовцевъ и антирелигиозной пропагандѣ бакунистовъ среди крестьянства, но эта тема очень обширна; вопросъ о пропагандѣ въ связи съ религиозными вопросами чрезвычайно сложенъ; затронуть его мимоходомъ нельзя; ему придется посвятить отдѣльную статью.

III.

Можно ли вести среди крестьянъ самодовлѣющую пропаганду, т. е. свести дѣло пропаганды къ разговорамъ о желательности вольныхъ коммунистическихъ обществъ, о справедливости и выгодности такого общественнаго строя. Намъ кажется, что только въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне отнесутся къ такой пропагандѣ серьезно и еще рѣже заинтересуются ею. Только съ того момента, какъ пропагандистъ укажетъ точный и прямой путь къ достиженію желательнаго крестьянству общественнаго строя, крестьяне начинаютъ серьезно задумываться надъ тѣмъ, что говорится о будущемъ обществѣ. Даже перечисленіе тѣхъ объективныхъ условій, благодаря которымъ общество, при отсутствіи власти и капитала, сложится опредѣленнымъ образомъ, только слабо интересуетъ крестьянъ, они слушаютъ разсказы о ничьей землѣ, объ общей работѣ, объ общихъ складахъ продуктовъ, о передвижныхъ изъ деревни въ деревню общественныхъ машинахъ, о рабочихъ поѣздахъ [illegible], объ общемъ инвентарѣ, о равенствѣ дохода, но воспринимаютъ все это такъ же, какъ слушали житія святыхъ, разсказы изъ исторіи и т. п., относясь къ нимъ [illegible] интересомъ. И только тогда, когда пропагандистъ [illegible] о путяхъ къ новому строю, когда онъ заговоритъ о восстаніи съ цѣлью захвата земли и инвентаря и еще болѣе тогда, когда рѣчь заходитъ о самой организаціи восстанія и о подготовкѣ къ нему, только тогда убѣдившись въ возможности успѣха крестьяне всецѣло охватываются пропагандой. Работая среди революціонно-настроеннаго крестьянства, нерѣдко приходится начинать съ указанія на необходимость, а главное на возможность крестьянскаго восстанія, и только послѣ разговоровъ на эту тему, послѣ практическаго, такъ сказать, хотя и схематическаго разрѣшенія плана восстанія, надо перейти къ вопросу о томъ, какъ устроиться въ будущемъ, — и тогда этотъ вопросъ получаетъ жизненный интересъ и для революціонно-настроенныхъ крестьянъ.

Необходимо замѣтить, что всякія минималистическія предложенія, будь то совѣты работать какъ [illegible] общаго уровня [illegible] окружающей среды, будь то предложенія организовать кооперативы или какіе-нибудь союзы для непосредственныхъ завоеваній — [illegible] рѣзко расходятся съ нашими принципами, а, во-вторыхъ, что еще важнѣе, глубоко антипатичны крестьянамъ. Вся эта работа всегда велась и будутъ вестись какъ минималистами-соціалистами, такъ и безпартійными людьми, но крестьянство ждетъ отъ своихъ единомышленниковъ, отъ тѣхъ лицъ, которыхъ они считаютъ своими кровными единомышленниками, совсѣмъ другого дѣла. Для того, чтобы захватить землю и помѣщичій инвентарь, большей сознательности, чѣмъ теперь, не надо. Вовсе не требуется распространенія научныхъ знаній для того, чтобы крестьяне, захвативъ землю и инвентарь въ общее достояніе, устроились на началахъ, тяготѣющихъ къ коммунизму. Если имъ надо помочь въ чемъ-либо, такъ это въ формулировкѣ имѣющихся уже понятій, въ ихъ [illegible]. Конечно, разъ у пропагандиста есть свободное время, отчего не заняться устройствомъ воскресныхъ чтеній, отчего не ввести въ потребительныя общества, отчего не устроить [illegible], отчего не устроить для нея вечеринки, но какъ пропагандисты, такъ и [illegible] крестьяне ни на минуту не должны забывать, что все это ни на шагъ не приближаетъ къ ими же поставленной цѣли.

Любой нашъ [illegible] кооперативъ или что-либо подобное — внѣ нашей программы дѣятельности. У насъ нѣтъ этаповъ ни въ политикѣ, ни въ экономикѣ [illegible] общества — не партія арестантовъ, къ тому же этапъ въ экономикѣ неизбѣжно создастъ и этапъ въ политикѣ. Проповѣдуя необходимость широкой постановки кооперативнаго дѣла и союзовъ для того же самаго, приходится соглашаться съ тѣмъ, что для всего этого необходимъ демократическій строй, а, слѣдовательно, и съ тѣмъ, что политическая революція желательна. Но мы знаемъ, что демократическій режимъ ограничиваетъ соціальный переворотъ, что звать народъ на политическую революцію — это значитъ играть на руку врагамъ народа. Насъ нельзя обмануть сказкой о томъ, что именно демократическія учрежденія повысили благосостояніе крестьянъ Запада. Мы знаемъ, что оно повысилось отъ отлива сельскаго населенія отъ деревень, отъ поглощенія его прироста развивающейся промышленностью городовъ; знаемъ также, что ничего похожаго на такой расцвѣтъ промышленности въ Россіи ожидать не приходится.

Ставъ на длинную точку зрѣнія полезности кооперативовъ и союзовъ, говоря вообще, на точку зрѣнія минимализма, мы неизбѣжно покатимся по наклонной плоскости въ болото реформизма или, что еще хуже, въ ряды сторонниковъ политической революціи. Для насъ совершенно ясно, что внѣ захвата средствъ производства, внѣ уничтоженія власти — для трудовыхъ массъ нѣтъ спасенія. Слѣдовательно, вся работа должна быть направлена какъ разъ къ этой цѣли. Крестьяне идутъ въ кооперативы и союзы не для подготовки восстанія, а для тѣхъ маленькихъ цѣлей, для которыхъ эти учрежденія и устраиваются. Маленькія же цѣли обусловливаютъ совсѣмъ не тѣ пути, по которымъ люди идутъ къ великой цѣли. Путешествовать по окольнымъ тропинкамъ — это значитъ опаздывать въ пути, а запаздывать можетъ только тотъ, кому незачѣмъ торопиться. Если человѣкъ страшно томится жаждой и спѣшитъ къ водѣ, нелѣпо предложить ему сворачивать съ прямого пути для того, чтобы выпить нѣсколько капель росы; для утоленія жажды, для того, чтобы не умереть, ему нужны цѣлые ковши воды и какъ можно скорѣе. Русское крестьянство, надъ которымъ уже виситъ тѣнь всенароднаго вымиранія, тотъ же умирающій отъ жажды путникъ, звать котораго къ росинкамъ воды, не могущимъ спасти его отъ гибели, — это значитъ оказывать ему плохую услугу. Всякій минимализмъ — всѣ эти кооперативы и союзы для непосредственныхъ завоеваній, требующіе для своего нормальнаго функціонированія демократическаго режима, — не только отвлекаютъ крестьянъ отъ великой цѣли, но и дифференцируютъ ихъ. Эта дифференціація, какъ ни мала она, вовсе не является съ нашей точки зрѣнія положительной стороной такого движенія. Отъ соотношенія силы наступленія крестьянъ и силы сопротивленія эксплуататоровъ — та или другая группа кооператоровъ или союзовъ добивается тѣхъ или иныхъ уступокъ, а то и вовсе ничего не добивается. Получается еще большая, чѣмъ прежде пестрота условій существованія, а для насъ, какъ теперь, такъ и всегда, чѣмъ равнѣе, тѣмъ лучше. Но этого знать крестьяне деревни Голодаевки стремятся добиться того, чего добились уже крестьяне деревни Нѣсытовки, тратятъ на это время и силы, а время идетъ и идетъ, власть нужды не слабѣетъ, а крѣпнетъ.

Въ частности, говоря о сельскихъ союзахъ, борющихся за улучшеніе быта своихъ членовъ въ рамкахъ существующаго общественнаго строя, мы не знаемъ даже изъ кого составить ихъ. Быть можетъ, изъ однихъ батраковъ? но вѣдь всѣ знаютъ, что безъ поддержки малоземельныхъ крестьянъ, изъ рядовъ которыхъ можетъ выйти сколько угодно поденщиковъ, немыслимы какія бы то ни было завоеванія батраковъ. Если пригласить въ союзъ и малоземельныхъ крестьянъ, то надо рѣшить вопросъ — при сколькихъ десятинахъ надѣла на душу кончается малоземелье, а это болѣе, чѣмъ трудно; затѣмъ, что много важнѣе, нельзя забывать, что интересы батраковъ нерѣдко расходятся съ интересами малоземельныхъ крестьянъ, такъ, напримѣръ, батракамъ прямой расчетъ, чтобы помѣщичья земля не была сдана въ аренду, такъ какъ при уничтоженіи экономической запашки они потеряютъ заработокъ; для нихъ выгодно, если высокая арендная плата помѣшаетъ крестьянамъ арендовать землю. Крестьянамъ же прямой расчетъ добиваться низкой арендной платы, арендованія всей помѣщичьей земли. Если мы все-таки включимъ въ союзъ малоземельныхъ крестьянъ, то почему же не привлечь въ него и относительно обезпеченное землею трудовое крестьянство. Вѣдь и оно выдѣляетъ изъ своихъ рядовъ сельскихъ наемныхъ рабочихъ (многоземельное крестьянство является въ большинствѣ случаевъ большесемейнымъ) и арендаторовъ (надѣлъ, равный тому количеству земли, свыше котораго не можетъ обработать крестьянское хозяйство, встрѣчается, какъ рѣдкость); это крестьянство, наравнѣ съ малоземельными, эксплуатируется казною, властью, а, главное, рынкомъ, на которомъ любое, хорошо оборудованное средствами производства предпріятіе отнимаетъ часть дохода у плохо оборудовавшаго свои хозяйства трудового крестьянства. Если же въ союзъ войдутъ всѣ эти группы трудящагося населе-

нія, то что за неразбериха получится въ нашемъ союзѣ? При условіи пестроты состава современнаго сельскаго населенія, между его отдѣльными группами не можетъ быть единства, разъ дѣло идетъ объ удовлетвореніи ближайшихъ нуждъ. Если же дѣло идетъ о будущемъ обществѣ, о его завоеваніи, — всѣ интересы сравниваются, такъ какъ всѣ выигрываютъ отъ такого завоеванія, такъ какъ и батраки, и малоземельные, и относительно многоземельные крестьяне встрѣтятся въ обществѣ будущаго благоденствующими и независимыми земледѣльцами. И нерѣдко относительно многоземельный крестьянинъ, больше чувствуя гнетъ начальственнаго произвола, энергичнѣе, чѣмъ малоземельный, работаетъ для дѣла народнаго освобожденія.

Для практика-пропагандиста очень важно то, что русское крестьянство (далекое отъ кулачества и стоящее на уровнѣ средней крестьянской сознательности), съ какимъ то чуть ли не болѣзненнымъ отвращеніемъ относится къ минимализму. Трудно объяснить это явленіе; быть можетъ, оно зависитъ отъ того, что крестьянству чересчуръ уже часто предлагали все, что угодно, но только не то, чего оно сотни лѣтъ добивается: дали и волостной судъ, и земство, и какую ни на есть школу, и стражниковъ, — не дали только земли и воли. И теперь предлагаютъ что-то такое, отъ чего до земли и воли — тысячи верстъ. Я не буду останавливаться на этомъ отрицательномъ отношеніи крестьянина къ минималистическимъ забавамъ. Сошлюсь только для поясненія моей мысли на геніальнаго Салтыкова, передавъ своими словами часть приведеннаго имъ разговора мальчика-нѣмца съ мальчикомъ-русскимъ (здѣсь говорится о нѣмецкомъ соч. Щедрина, подслушаннаго разговора мальчика въ штанахъ съ мальчикомъ безъ штановъ). Напрасно убѣждаетъ мальчикъ въ штанахъ-нѣмецъ мальчика русскаго поступить на службу къ своему многоуважаемому хозяину, послѣдній дастъ и пищу хорошую, и заработокъ, говоря вообще, онъ проведетъ въ жизнь многія прелести минимализма; мальчикъ безъ штановъ отнюдь не соблазняется этимъ и даетъ понять, что это значитъ только одно, а именно то, что нѣмецъ свою душу черту за грошъ продалъ. Мальчикъ-нѣмецъ, несмотря на всю свою корректность, возмущается и выражаетъ, что хотя русскій и не продалъ своей души за грошъ, но поступилъ еще хуже — даромъ отдалъ ее Колупаеву. На это онъ получаетъ удивительный для минималистовъ, но прямо таки выхваченный изъ жизни русскаго крестьянства отвѣтъ, — „то-то и есть," что даромъ; значитъ, когда захочу, тогда и возьму ее назадъ".

Крестьянинъ чувствуетъ, что всѣ эти потребительныя общества, повышенія батрацкаго заработка и т. п. — гроши, за которые покупается крестьянская душа, торговать которой ему не хочется. Всѣ серьезныя мысли крестьянъ и батраковъ — въ захватѣ земли; все остальное, въ лучшемъ случаѣ, „отъ бездѣлья и то рукодѣлье".

Минимальныя программы, организаціи для ихъ выполненія, подготовку политической революціи для той же маленькой цѣли — оставимъ все это обывателямъ и близкимъ къ нимъ соціалистамъ-минималистамъ. Это не наше дѣло! Не наше между прочимъ и потому, что заниматься этимъ — значитъ давать голоднымъ камни вмѣсто хлѣба. Наше мѣсто рядомъ съ крестьянами, намъ по дорогѣ; какъ ни тяжела эта дорога, стягивать съ нея крестьянъ мы не будемъ, хотя бы и гладки были пути, ведущіе въ трясину реформизма.

Цѣль всегда опредѣляетъ средства, которыми можно подойти къ ней и, наоборотъ, тѣ или иныя средства ведутъ къ той или иной цѣли. Такая цѣль, какъ улучшеніе быта крестьянъ въ современномъ обществѣ, требуетъ средствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣми, которыя ведутъ къ коренному перевороту. Средства (многіе считаютъ средствомъ и все минималистическое теченіе), разъ они не носятъ революціоннаго характера, могутъ только отклонить крестьянство отъ революціонной цѣли. Гнаться за двумя зайцами — нельзя; совмѣщать дѣятельность максималистическую съ минималистической — значитъ толкомъ ничего не дѣлать. Одно изъ двухъ — или обманывать народъ реформизмомъ, или работать съ нимъ революціонно.

Ближайшая цѣль пропагандиста — это организація боевыхъ крестьянскихъ братствъ. Эти братства и ихъ дѣятельность являются тѣмъ повседневнымъ дѣломъ, въ которомъ сливаются наши задачи съ задачами крестьянъ. Крестьянскія братства нашего типа спеціально занимаются подготовкой возстанія — развѣдочной службой, добываніемъ и сохраненіемъ оружія, обученіемъ приготовленію пороховъ, изученіемъ революціоннаго боевого дѣла, крайне сложнаго въ его современной постановкѣ. Эти занятія отнимаютъ у братства массу времени и силъ, но наряду съ ними необходимо, чтобы члены братствъ разрабатывали и планъ будущаго строительства, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Понятно, что братства должны вести широкую пропаганду, подготовляя почву для соціальной революціи. Мы не можемъ остановиться въ этой статьѣ, говорящей о работѣ пропагандистовъ, на дѣятельности боевыхъ братствъ; здѣсь придется только коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ тактики, по поводу которыхъ приходится высказываться пропагандисту.

* * *

Работа нашихъ пропагандистовъ неизбѣжно переходитъ въ организаціонную работу. Благодаря этому у насъ рѣзко выдвигается вопросъ о томъ, что П. Л. Лавровъ называлъ пропагандой примѣромъ. Приглашая крестьянъ вступать въ боевыя братства на отвѣтственное и опасное дѣло, пропагандистъ долженъ вести примѣрную съ точки зрѣнія крестьянъ жизнь, или ему незачѣмъ идти въ деревню, гдѣ каждый шагъ учитанъ: людямъ лѣнивымъ, пьющимъ, дерзкимъ въ личной жизни лучше не показываться въ деревнѣ, будь они хотя бы семи пядей во лбу. Объ этомъ приходится сказать нѣсколько словъ, потому что, если къ соціалистамъ-государственникамъ идутъ всевозможные карьеристы и политическіе авантюристы, то нашимъ именемъ прикрываются иной разъ хулиганы, которые рады паразитствовать на чьей угодно шеѣ. Такіе господа опасны и въ городской рабочей средѣ: живетъ такой, именующій себя анархистомъ, паразитъ на квартирѣ рабочаго, который не знаетъ, какъ его выжить, говоритъ хорошія слова, покупаетъ себѣ, что получше, а участвовать въ расходахъ на квартиру и обѣдъ не желаетъ. Конечно, рабочій съ удивленіемъ смотритъ на такого своеобразнаго „коммуниста"; но рабочій можетъ еще разобраться въ томъ, на кого онъ нарвался, сможетъ отстранить его отъ своей революціонной дѣятельности. Въ средѣ же крестьянъ такіе и имъ подобные мелкіе паразиты-эксплуататоры болѣе, чѣмъ опасны; гдѣ они заведутся, тамъ крестьяне не пойдутъ въ боевыя братства, какъ бы полезной ни считали они такую организацію: чересчуръ на виду вся жизнь крестьянъ. Этихъ самозванныхъ коммунистовъ надо безпощадно бойкотировать и удалять изъ селеній, на что, впрочемъ, мастера и сами крестьяне, далеко не такъ снисходительно, какъ рабочіе, относящіеся къ лицамъ, у которыхъ слово расходится съ дѣломъ.

IV.

Разъ братство организовано, приходится говорить съ крестьянами и о тактикѣ дореволюціоннаго времени. Нерѣдко рѣчь заходитъ объ аграрномъ террорѣ. Нельзя забывать, что аграрный терроръ, какъ и другіе рѣзкіе пріемы борьбы за улучшеніе современныхъ условій существованія, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне предъявляютъ землевладѣльцу болѣе или менѣе серьезныя требованія, ведетъ за собою отказъ помѣщика отъ земли, но не въ формѣ передачи ея крестьянамъ, а въ формѣ продажи крестьянскому банку, рѣже мѣстнымъ кулакамъ или купцамъ. Въ первомъ случаѣ, банкъ создаетъ мелкое частное (хотя и задолженное) землевладѣніе или сдаетъ землю въ аренду, причемъ сосѣдъ, съ которымъ можно торговаться и на котораго можно вліять путемъ аграрнаго террора исчезаетъ навсегда, — передъ крестьянами появляется бездушная бюрократическая машина. Купецъ, если и покупаетъ въ настоящее время землю, обязательно перепродаетъ ее или кулакамъ, или крестьянамъ. Кулаки опять таки сдаютъ ее въ аренду, но, вмѣсто одного помѣщика, въ этомъ случаѣ выступаетъ разнообразная по силѣ и пріемамъ эксплуатаціи группа мѣстныхъ кулаковъ, борьба съ которыми путемъ террора не только усложняется, но и мельчаетъ. Помѣщикомъ были обижены всѣ, а кулакомъ Иваномъ — 5 человѣкъ, Семеномъ — 3 арендатора, Петромъ — 6, причемъ кулаки умѣютъ разнообразить степень обиды: одному земля сдается подороже, другому подешевле и всегда подъ благовиднымъ предлогомъ. Аграрный терроръ самъ себя убиваетъ и нерѣдко безъ всякой пользы для крестьянъ. Вотъ почему опытный (мы не говоримъ о кружковыхъ, городскихъ) аграрникъ не станетъ настаивать на примѣненіи аграрнаго террора, какъ нормальнаго пріема борьбы. Нужно замѣтить, впрочемъ, что наши пропагандисты понимаютъ, что аграрный терроръ является въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявленіемъ бунтовскаго настроенія крестьянской массы, и разъ такое настроеніе повышено,

крестьяне, даже зная, что результатомъ ихъ выступленія будетъ не уступки, а продажа земли крестьянскому банку,—все равно идутъ иной разъ на терроръ; въ такомъ случаѣ мы не умоемъ рукъ, не отойдемъ въ сторону, постараемся, чтобы крестьяне извлекли изъ своего выступленія наибольшія пользы и понесли наименьшія потери. Бываетъ и такой случай, что крестьянскій банкъ все же лучше [illegible] крестьянъ о [illegible] [illegible], и что тѣмъ болѣе, что противъ [illegible] ности крестьянскаго банка у насъ имѣются свои пріемы агитаціи и пропаганды.

Пропагандистъ не долженъ забывать, что въ дореволюціонное время аграрнымъ терроромъ, даже въ лучшемъ случаѣ, можно добиться только частичныхъ улучшеній быта данной группы крестьянъ. Самъ по себѣ, не переходя въ восстаніе, аграрный терроръ [illegible] не добьется, и если даже этого террора не являются первыя застрѣльщики восстанія,—передъ нами только одно изъ многихъ средствъ борьбы за частичныя улучшенія, [illegible] тратить силы. Нельзя думать, что [illegible] пропагандистами акты аграрнаго террора могутъ поднять боевой духъ крестьянъ. Во-первыхъ, ту почву, на которой [illegible] [illegible], уже испытали [illegible], а во-вторыхъ, этотъ духъ поднимается [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

При „крестьянскомъ" [illegible] можно сказать, что въ настоящее время [illegible] въ аграрной борьбѣ смертныхъ [illegible]. Даже во время разгрома помѣщичьихъ усадебъ [illegible] [illegible], когда крестьяне рѣзали скотъ, который [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], даже и тогда [illegible] не допускали убійствъ, а [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], а тѣмъ [illegible] крестьяне не будутъ убивать враговъ. Болѣе того, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], что въ крестьянствѣ [illegible] [illegible] [illegible], такое [illegible] отношеніе, что въ случаѣ [illegible] [illegible] [illegible], если передъ ними [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], крестьяне будутъ убивать всѣхъ, кого считаютъ врагами, возможно, что мы будемъ имѣть [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] крестьяне, и [illegible] восстанія будутъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], на которомъ [illegible] движеніе.

Въ послѣднее время аграрный вопросъ „разрѣшался" у насъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] экспропріаторовъ крестьянской земли [illegible] [illegible] „міра" [illegible] [illegible] [illegible]. Если эти [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], если міръ въ [illegible] на это [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] приговоръ, если члены братства [illegible] [illegible] [illegible] террора является [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и требуетъ [illegible] [illegible].

[illegible] экспропріаціи [illegible] [illegible] [illegible]. Ихъ при[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] оружія и патроновъ, [illegible] [illegible], что это оружіе [illegible] хорошо скрывать [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] экспропріаціи [illegible], [illegible] [illegible] въ братствѣ [illegible] [illegible], въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Крестьяне-рабочихъ [illegible] [illegible] смотрятъ на экспропріацію, и мы [illegible] не видимъ [illegible] въ этомъ случаѣ,—ни обоснованія права экспропріаціи, ни практическихъ указаній. Разъ крестьяне [illegible] экспропріацію съ воровствомъ-разбоемъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] свою репутацію; тутъ окажутся [illegible] самые убѣдительные съ революціонной точки зрѣнія доводы, крестьяне думаютъ по-своему. Если же сами крестьяне высказываются за экспропріацію—это почти всегда значитъ, что они строго обдумали дѣло. Спорить съ ними не приходится,—но, пожалуй, благоразумнѣе стоять въ сторонѣ отъ такихъ далеко не всѣмъ населеніемъ понимаемыхъ и одобряемыхъ пріемовъ дѣятельности.

Съ тактикой революціоннаго періода крестьянскія братства должны быть ознакомлены очень подробно. Крестьяне должны ясно понимать, что имъ придется двинуться на города и сломить сконцентрированную въ нихъ силу государства и капитала. Роспускъ войска, полное разоруженіе полиціи, полное низложеніе начальства, вооруженіе народа, захватъ вмѣстѣ съ рабочими промышленныхъ предпріятій складовъ, банковъ, раздѣлъ квартиръ (большія квартиры—это гнѣзда контръ-революціи), все, что придется сдѣлать въ городахъ во время революціи, обо всемъ этомъ должно знать крестьянство. Крестьяне должны знать, что имъ придется взять всѣ города безъ исключенія. Возможно, что захвативъ нѣсколько городовъ, они сдѣлаютъ ихъ опорными пунктами своего движенія на столицы или къ мѣстамъ сосредоточенія враждебныхъ силъ. Наступающее крестьянство создаетъ себѣ опорную базу, захватывая землю, инвентарь, средства производства, если крестьяне и рабочіе тѣхъ мѣстностей, по которымъ двигается крестьянская армія, не могли до ея прихода справиться съ врагами восставшаго народа. Если крестьяне не возьмутъ городовъ и если послѣдніе не перейдутъ во владѣніе трудового люда, города раздавятъ крестьянство, и оно должно знать это. Желательно, разумѣется, чтобы крестьянское движеніе совпало съ всеобщей забастовкой пролетаріата, забастовкой, которая въ свою очередь перейдетъ въ восстаніе.

Просматривая эту, только въ общихъ чертахъ намѣчающую наши задачи, статью, прихожу къ выводу, что нижеслѣдующее замѣчаніе является необходимымъ.

Народъ—это океанъ; окунувшись въ него, можно натолкнуться и на жемчугъ, и на ужасное чудовище. Когда мы говоримъ о крестьянинѣ, мы говоримъ о среднемъ, типичномъ крестьянинѣ; отклоненія отъ этого типа въ одну сторону могутъ восхитить, а въ другую—обезкуражить неопытнаго пропагандиста. Но онъ долженъ помнить, что не въ отклоненіяхъ сила, его работа должна быть разсчитана на типичное крестьянство, а къ послѣднему надо умѣть уловить подходъ. Легко подходить къ нему тотъ, для котораго народъ не бездушная масса, изъ которой можно дѣлать опыты, а милліоны мыслящихъ, по своему живущихъ людей, въ рядахъ которыхъ онъ долженъ работать какъ простой рядовой.

А. А.

Національный вопросъ съ точки зрѣнія коммунистическаго анархизма

I.

Въ концѣ недавно истекшаго года, въ юбилейномъ номерѣ еврейской анархистской газеты „Freie Arbeiterstimme", выходящей въ Нью-Іоркѣ, была напечатана статья П. А. Кропоткина подъ заглавіемъ „Еврейское національистическое движеніе".

Въ этой прекрасной по формѣ, сохранившейся отчасти даже и въ переводѣ, статьѣ—полной глубокихъ мыслей, несмотря на ея небольшой размѣръ—П. А. Кропоткинъ проводитъ по существу тѣ же взгляды на національный вопросъ, которые были имъ изложены въ 1907 году на страницахъ листковъ „Хлѣбъ и Воля".

Въ анархистской литературѣ національному вопросу, по степени удѣленнаго ему вниманія, принадлежитъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ. Можно даже сказать, что роль національнаго фактора въ жизни человѣчества изучена въ нашей литературѣ менѣе всѣхъ другихъ важныхъ вопросовъ соціальной и политической жизни.

Не буду долго останавливаться на причинахъ этого явленія. Напомню лишь, что анархистская литература развивалась преимущественно въ странахъ, населенныхъ одной національностью, въ которыхъ не могли имѣть мѣста ни національный гнетъ, ни борьба національностей за свое освобожденіе. Въ высшей степени характерно, что П. А. Кропоткинъ, не посвятившій—по крайней мѣрѣ, насколько мнѣ извѣстно—за все время своей долголѣтней анархистской дѣятельности, ни одной статьи національному вопросу, выступилъ въ послѣдніе годы съ двумя специальными статьями на

эту тему. Національный вопросъ, очевидно, мало волновалъ умы тѣхъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ П. А. Кропоткинъ жилъ и работалъ и подъ вліяніемъ борьбы которыхъ онъ создавалъ теорію современнаго коммунистическаго анархизма. Но когда его литературная дѣятельность частью направилась въ сторону Россіи и пролетарскихъ массъ, хотя и эмигрировавшихъ изъ нея, но все же сохранившихъ со своей родиной культурную связь, чуткій къ запросамъ борющихся слоевъ трудящейся массы теоретикъ коммунистическаго анархизма не могъ не замѣтить необходимости въ опредѣленномъ и ясномъ разрѣшеніи вопроса, волнующаго не только интеллигенцію, но и трудовые слои угнетенныхъ россійскимъ государствомъ національностей. Названныя двѣ статьи П. А. Кропоткина можно разсматривать какъ рѣшительный толчекъ къ постановкѣ національнаго вопроса въ русской анархистской литературѣ. У насъ въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ Восточной Европы — въ Австро-Венгріи, Турціи, отчасти и въ Германіи, — національный вопросъ занимаетъ все больше и больше мѣста въ политической борьбѣ.

Съ пріобщеніемъ народныхъ массъ угнетенныхъ національностей къ современной культурѣ, съ сознательнымъ выступленіемъ ихъ на историческую арену, національное движеніе среди угнетенныхъ народностей не падаетъ, а получаетъ наоборотъ чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе прочную опору въ массахъ. Безсознательный націонализмъ массъ, выражавшійся ранѣе лишь въ отчужденіи отъ всего, что не свое, замѣняется сознательнымъ стремленіемъ къ *національному возрожденію*. Это стремленіе охватило въ настоящее время широкіе слои, можно сказать, всѣхъ безъ исключенія угнетенныхъ національностей, и притомъ, не только буржуазія и интеллигенція захвачены этимъ теченіемъ, но въ значительной степени и трудящіеся слои, въ томъ числѣ и самый революціонный и передовой классъ — пролетаріатъ. Но это единство національныхъ стремленій трудящихся массъ и буржуазныхъ слоевъ — лишь кажущееся. Стремясь какъ будто къ одной и той же цѣли — къ національному возрожденію, пролетаріатъ и буржуазія угнетенныхъ національностей совершенно различно понимаютъ его. Это различіе въ пониманіи идеи національнаго возрожденія имѣетъ для анархиста-коммуниста въ его отношеніи къ каждому конкретному національному теченію рѣшающее значеніе.

Въ молодой еще русской анархистской литературѣ національный вопросъ долженъ быть разработанъ подъ другимъ угломъ зрѣнія и съ большей тщательностью, чѣмъ въ западно-европейской, французской, напр., анархистской литературѣ, гдѣ національный вопросъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, смѣшивался съ вопросомъ о государственномъ патріотизмѣ, шовинизмѣ и милитаризмѣ. Настоятельная потребность въ этомъ чувствовалась уже давно среди анархистовъ, работающихъ въ Россіи, въ средѣ пролетаріата угнетенныхъ національностей, гдѣ на каждомъ шагу приходилось сталкиваться съ тѣми или иными националистическими теченіями. Но въ то время, какъ впрочемъ и отчасти и теперь, чувствовалась еще болѣе настоятельная потребность въ разработкѣ тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ, связанныхъ съ экономической и соціальной жизнью пролетаріата, и національный вопросъ отступилъ на задній планъ. Переживаемый нами моментъ кажется намъ удобнымъ для того, чтобы наряду съ другими вопросами соціальной борьбы, недостаточно освѣщенными въ анархистской литературѣ выдвинуть на очередь и національный вопросъ. Какъ справедливо говоритъ П. А. Кропоткинъ, недостаточно „просто ссылаться на основныя начала анархизма, которыя требуютъ полной свободы для всѣхъ, безъ различія расы, исповѣданій и національностей, не признаютъ ни за какою національностью права угнетать другую и стремятся при этомъ къ уничтоженію государства, а слѣдовательно и всякаго государственнаго угнетенія" (см. Л. „Хл. и В." № 16, „Національный вопросъ"). Вопросъ объ отношеніи коммунистическаго анархизма къ стремленію угнетенныхъ національностей къ своему освобожденію долженъ быть разработанъ въ нашей литературѣ возможно болѣе исчерпывающимъ образомъ.

Мнѣ кажется, что исходнымъ пунктомъ дискуссіи по національному вопросу, которую я предлагаю открыть, могли бы послужить статьи П. А. Кропоткина. Еще въ 1907 году его статья, напечатанная въ Листкахъ „Хл. и В.", вызвала въ русскихъ анархистскихъ кругахъ рѣзкую критику, не выходившую, впрочемъ, за предѣлы тѣсныхъ товарищескихъ кружковъ. Находили, что авторъ сдѣлалъ въ ней большія уступки растущимъ въ революціонныхъ кругахъ националистическимъ увлеченіямъ. Поэтому я считаю умѣстнымъ открыть дискуссію нѣсколькими критическими замѣчаніями по поводу взглядовъ П. А. Кропоткина, высказанныхъ имъ въ его статьяхъ по національному вопросу. Систематическое же изложеніе своихъ собственныхъ взглядовъ откладываю до одного изъ будущихъ номеровъ „Буревѣстника".

П. А. Кропоткинъ горячо привѣтствуетъ съ точки зрѣнія коммунистическаго анархизма стремленіе всѣхъ народностей, хотя бы даже самыхъ мелкихъ, къ національному возрожденію. „Каждый шагъ, говоритъ онъ въ своей статьѣ въ „Freie Arbeiterstimme", какой бы то ни было націи, ведущій къ пробужденію ея народнаго самосознанія („народнаго", а не только лишь національнаго самосознанія), каждый такой шагъ облегчаетъ истинный интернаціональный союзъ людей."

Однако уже изъ этой цитаты видно, что авторъ различаетъ два рода національнаго самосознанія: есть національное самосознаніе „народное", но есть и „господское". Болѣе подробно авторъ развиваетъ эту мысль въ той же статьѣ ниже. На примѣрѣ изъ исторіи русской общественности онъ показываетъ, какъ, славянофилы и народники, исходя изъ однихъ и тѣхъ же предпосылокъ, въ своей дальнѣйшей эволюціи пришли къ діаметрально противоположнымъ выводамъ: славянофилы, оставаясь людьми господскаго класса, создали изъ своего національзма лишь новую опору для самодержавія и православія, между тѣмъ какъ народники, слившись съ трудящимися массами и проникшись ихъ взглядами, стали выразителями народной самобытности и стремились внести въ интернаціональный соціализмъ идеалы русскаго общиннаго крестьянства.

П. А. Кропоткинъ правъ, характеризуя соціальдемократовъ, какъ централистовъ-государственниковъ, враждебно относящихся къ возникновенію въ угнетенныхъ народностяхъ стремленій къ національному пробужденію. Но это утвержденіе вѣрно лишь по отношенію къ соціальдемократамъ, принадлежащимъ къ господствующей народности. Этотъ разрядъ соціальдемократовъ стремится, слѣдуя завѣтамъ Маркса, къ большимъ централистическимъ республикамъ, въ которыхъ удобно было бы захватить въ свои руки центральную власть и осуществить соціальдемократическую диктатуру пролетаріата. Но относительно соціальдемократовъ, работающихъ среди пролетаріата угнетенныхъ національностей, слѣдовало бы сдѣлать весьма важныя оговорки. Соціальдемократическія партіи угнетенныхъ народностей, уже однимъ фактомъ своего отдѣльнаго возникновенія, вступаютъ въ оппозицію къ единой централистической соціальдемократіи страны, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онѣ неизбѣжно начинаютъ активно выступать противъ централистическихъ идей соціальдемократіи господствующей народности.

Слѣдуя приведеннымъ выше взглядамъ П. А. Кропоткина, это явленіе можно, по моему мнѣнію, объяснить соприкосновеніемъ соціальдемократовъ съ „народнымъ націонализмомъ" пролетаріата угнетенныхъ національностей, протестующаго противъ насильственной ассимиляціи. Отсюда — цѣлый рядъ соціальдемократическихъ національныхъ программъ, изъ которыхъ однѣ разрѣшаютъ вопросъ при помощи территоріальной автономіи, другія, какъ напр. южно-славянскія соціальдемократическія организаціи въ Австро-Венгріи и Бундъ въ Россіи, т. е. организаціи тѣхъ національностей, которыя не имѣютъ точно опредѣленныхъ „исторической" территоріи — разрѣшаютъ вопросъ путемъ внѣтерриторіальной автономіи національностей. На соціальдемократическихъ національныхъ программахъ стоитъ остановиться внимательнѣе, что я и предполагаю сдѣлать въ слѣдующей статьѣ по національному вопросу. Пока замѣчу лишь, что всѣ эти попытки территоріальнаго и внѣтерриторіальнаго разрѣшенія національнаго вопроса *при сохраненіи государства* демократическаго или хотя бы соціальдемократическаго, неизбѣжно должны потерпѣть крушеніе.

Нѣсколько невѣрна, на мой взглядъ, характеристика отношенія французскихъ анархистовъ къ вопросу о существованіи своей національности, данная П. А. Кропоткинымъ въ своей статьѣ въ листкахъ „Хл. и Воля". „Среди анархистовъ, говоритъ авторъ, преимущественно французскихъ, подъ вліяніемъ сильной противувоенной агитаціи, которую имъ пришлось вести — тоже сложилось представленіе, что рабочему, „у котораго нѣтъ родины", нечего заботиться о сохраненіи своей національности. Даже если *бы* Германія пошла войной на завоеваніе Франціи, говорятъ многіе, — то рабочимъ нечего защищать свою территорію. Они должны безусловно отказаться отъ всякаго участія въ войнѣ. Если бы даже нѣмцы поко-

рiя Францiи, то французская нацiональность не погибнетъ. А если бы она погибла, то, стало быть, жалѣть ее нечего".

Авторъ считаетъ эту точку зрѣнiя „крайней", и въ этомъ я съ нимъ не могу согласиться. У французскихъ анархистовъ несомнѣнно слабо разработанъ нацiональный вопросъ, а по отношенiю къ угнетеннымъ нацiямъ онъ и вовсе не разработанъ. Но по существу, если принять во вниманiе, что во французской [illegible] терминологiи понятiе „нацiя" неотдѣлимо отъ территорiи, то точка зрѣнiя французскихъ анархистовъ окажется безусловно справедливой. Говоря о французской нацiи, они подразумѣваютъ подъ нею прежде всего территорiю, принадлежащую французскому государству и французской буржуазiи, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что анархисты думаютъ, что для пролетарiата безразлично, будетъ ли его эксплуатировать „своя" буржуазiя и бюрократы, или „чужiе". Другое дѣло участь французскаго народа, какъ соцiально-психологическаго коллектива. Меньше всего можно упрекнуть, напримѣръ, французское революцiонно-синдикальное движенiе, находящееся подъ влiянiемъ анархистовъ, въ безразличномъ отношенiи къ особенностямъ исторически сложившагося французскаго нацiональнаго характера. Надо еще замѣтить, что французскiе анархисты не совѣтуютъ пролетарiату встрѣтить чужеземное нашествiе съ пассивнымъ равнодушiемъ. Они, наоборотъ, предлагаютъ пролетарiату отвѣтить всеобщей стачкой и вооруженнымъ возстанiемъ и защищать ту территорiю, которую ему удастся захватить, какъ отъ „своихъ", такъ и отъ „чужихъ" враговъ.

За недостаткомъ мѣста я въ заключенiе буду останавливаться еще на одномъ лишь изъ положенiй автора, которому онъ удѣляетъ значительное мѣсто въ обѣихъ статьяхъ: „Вся исторiя девятнадцатаго вѣка показываетъ намъ, говоритъ П. А. Кропоткинъ въ „Листкахъ „Хлѣбъ и Воля", что покуда нацiя борется противъ чужеземныхъ угнетателей она не выступаетъ на путь соцiальной революцiи". Авторъ ссылается на исторiю Италiи, на современное положенiе въ Балканскихъ земляхъ, въ составныхъ частяхъ Австрiи, въ Польшѣ, въ Финляндiи — это положенiе кажется мнѣ совершенно неосновательнымъ. Если несомнѣнно, что разрѣшенiе нацiональнаго вопроса облегчило бы соцiальную классовую борьбу, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что пролетарiатъ угнетенныхъ нацiональностей вовсе не выступаетъ до освобожденiя своей нацiональности на путь соцiальной революцiи. Вся современная борьба пролетарiата опровергаетъ это положенiе. Несомнѣнно, напр., что соцiально-революцiонная борьба польскаго, еврейскаго и грузинскаго пролетарiата не ниже соцiально-революцiонной борьбы русскаго пролетарiата, польскiй пролетарiатъ во всякомъ случаѣ не уступаетъ нѣмецкому. Въ борьбѣ пролетарiата за его всестороннее освобожденiе нацiональная борьба входитъ не какъ предпосылка, а какъ составная часть.

Затронутые въ моихъ „критическихъ замѣчанiяхъ" вопросы я постараюсь развить подробнѣе и въ систематизированномъ видѣ въ слѣдующей статьѣ, гдѣ остановлюсь также и на нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, связанныхъ съ отношенiемъ коммунистическаго анархизма къ нацiонализму.

М. Раевскiй.

ДОЛОЙ ГОСПОДЪ!

(Изъ Вильяма Морриса.)

[illegible] : мы [illegible],
[illegible],
[illegible],
Мы [illegible].
[illegible] и [illegible],
[illegible],
А [illegible] —
[illegible].
[illegible],
[illegible]
[illegible].
[illegible]!"
[illegible] ;
„[illegible] —
„[illegible]! [illegible], — и мы побѣдимъ!
„[illegible]!"

И [illegible] въ насъ силу родитъ,
Послѣдние — [illegible] мы стали.
[illegible] нашъ пламенемъ яркимъ горитъ,
И упругiя мышцы — [illegible] стали!
[illegible] мы [illegible],
За собой увлекая народъ,
Мы [illegible] по землѣ
Съ кличемъ грознымъ: „Долой всѣхъ господъ!"

[illegible] апр. 1909 г. Парижъ. Вл. Забрежневъ.

ИЗЪ РОССIИ

Письмо изъ Россiи

(Нѣсколько словъ объ анархистской работѣ въ Россiи, въ 1909 г.)

Въ настоящiй моментъ трудно ожидать отъ дѣятельности активныхъ революцiонеровъ, работающихъ въ Россiи въ атмосферѣ современной реакцiонной дѣйствительности, какихъ либо особенно благопрiятныхъ результатовъ. Но все же не слѣдуетъ умалчивать о томъ, что творится здѣсь въ области анархистской работы и какъ проявляется теплящаяся еще кое-гдѣ революцiонная энергiя.

Послѣ окончательнаго разгрома нашей работы въ 1908 году мы, нѣсколько человѣкъ, принялись сызнова за работу.

Начали мы не съ эксовъ, какъ чаще всего дѣлалось въ предыдущiе годы, а съ того, что заручившись значительнымъ количествомъ пудовъ литературы, разъѣхались въ разные концы Россiи. Кто направился въ центръ, кто на окраины, а кое-кто на югъ, на Украйну.

Совершено было нами и нѣсколько террористическихъ актовъ политическаго и экономическаго характера, но, главнымъ образомъ, мы занимались распространенiемъ нашей агитацiонной литературы.

Всѣмъ вамъ извѣстно, товарищи, что съ 1908 года прекратилась всякая анархистская пропагандистская и агитацiонная работа въ массахъ. Ни пропагандистской литературы, ни листковъ, ни даже агитацiонныхъ брошюрокъ нигдѣ не было. Кружковая работа никѣмъ не велась. Правда и намъ не вездѣ, гдѣ мы работали, удалось поднять кружковую работу; отчасти неудачу приходится приходится приписать недостатку въ пропагандистахъ, а главнымъ образомъ тому гнетущему настроенiю, которое захватываетъ въ настоящее время въ Россiи и слушателей, и самаго пропагандиста. Кружки поэтому посѣщаются мало; но бываютъ и счастливыя исключенiя: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центральной Россiи велись нами очень бойко не только кружки, но и массовки.

Кромѣ распространенiя литературы мы старались возстановить маленькiя группы на мѣстахъ.

Группы эти, представляющiя собой зачатки рабочихъ и крестьянскихъ организацiй пока занимались лишь распространенiемъ между рабочими и крестьянами литературы, которую мы имъ доставляли; съ экспропрiаторской дѣятельностью эти группы ничего общаго не имѣли.

За семь мѣсяцевъ нами было, такимъ образомъ, распространено 28 [illegible] пудовъ литературы.

Большая часть литературы состояла изъ „Народнаго Сборника" и другихъ крестьянскихъ брошюрокъ на разныя темы.

О влiянiи этой литературы на массы могу лишь сказать, что она подоспѣла какъ разъ въ неподходящiй моментъ духовнаго упадка массъ. Распространяемая нами литература разошлась въ Екатеринославской, Харьковской, Орловской, Полтавской, Черниговской, Таврической, Бессарабской и Подольской губерниях. Попадала наша литература и на Донъ, достигла Оренбурга и распространилась еще дальше.

Пантелей.

ГУЛЯЙ-ПОЛЕ, Екатеринославской губ. Въ ночь подъ 22-ое [illegible] 19[illegible] года въ селѣ Гуляй-Полѣ убитъ анархистами-коммунистами становой приставъ Караченцевъ. Нѣсколько позже тамъ же былъ раненъ стражникъ Суббота. По совершенiи этихъ актовъ были выпущены небольшiе гектографированные листки, въ которыхъ анархисты-коммунисты извѣщали мѣстное населенiе, что выполненные акты были возмездiемъ за истязанiя и пытки, которымъ эти полицейскiе подвергали арестованныхъ анархистовъ.

Изъ обвинительнаго акта по дѣлу „Интернаціональ-ной Боевой Группы Анархистовъ-Коммунистовъ"

Отъ редакціи. Недавно мы получили обвинительный актъ по
дѣлу И. Б. Г. А.-К., дѣятельность которой въ 1907 и въ первой
половинѣ 1908 года охватила крупные центры всего Юга: Екате-
ринославъ, Одессу, Кіевъ, Харьковъ и т. д. Этотъ, очень об-
ширный документъ (свыше 90 стр.) является весьма цѣннымъ
вкладомъ въ матеріалы по исторіи анархистскаго движенія въ
Россіи. Въ полномъ видѣ онъ будетъ напечатанъ въ ближайшемъ
номерѣ „Былого". Въ „Буревѣстникѣ" мы приведемъ лишь „вступ-
леніе". Ниже мы приведемъ также очень небольшую часть поли-
цейскихъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ изъ участниковъ этого про-
цесса.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

по дѣлу о 1) дворянинѣ Михаилѣ Мирзаевѣ, 2) потомств. почетн.
гражданинѣ Владимірѣ Петрушевскомъ, 3) сынѣ коллежскаго ас-
сесора Всеволодѣ Потажевичѣ (онъ же Ефимъ Кардашъ), 4) сынѣ
губернскаго секретаря Василіи Тишевскомъ, 5) дочери земле-
владѣльца Эльке Горѣликъ, 6) дочери купца Элинѣ Слувисъ; мѣ-
щанахъ: 7) Сергѣѣ Евстратовѣ, 8) Лёѣ Волынской, 9) Марьясѣ
Носовицкой, 10) Басѣ Хазановой, 11) Хавѣ Айзенбергъ, 12) Ам-
сеѣ Котляревскомъ, 13) Шейнѣ Гутнеръ, 14) Эсфири Финкель-
штейнъ, 15) Леѣ Іоффе, 16) Лидѣ Пизовой, 17) Леѣ Тиновицкой,
18) Иванѣ Насухѣ, 19) Янкелѣ Штейнерѣ, 20) Давидѣ Констан-
тиновскомъ, 21) Лемче Тительманѣ, 22) Розаліи Тарло, 23) Эс-
фири Розенбоимъ, 24) Сарѣ Львовой, 25) Хаѣ Левинской; кресть-
янахъ: 26) Николаѣ Доленко, 27) Маріи Завьяловой и 28) Ма-
карѣ Самодуровѣ; именующихъ себя 29) Андреемъ Штокманомъ
30) Николаемъ Коноваловымъ и лишенныхъ всѣхъ правъ состоя-
нія 31) Гольдѣ Таратутѣ и 32) Сергѣѣ Борисовѣ.

По агентурнымъ свѣдѣніямъ Начальника Харьковскаго Охран-
наго Отдѣленія проживавшіе въ Женевѣ анархисты-коммунисты,
входившіе въ составъ группъ „Бунтарь" и „Буревѣстникъ", объ-
единились и образовали „Боевую Интернаціональную Группу
анархистовъ-коммунистовъ", поставившую цѣлью своей дѣятель-
ности совершеніе въ Россіи ряда весьма серьезныхъ террористи-
ческихъ актовъ и разбойничьихъ нападеній. Во главѣ этой группы
стояли 1) Сергѣй Борисовъ (по кличкамъ въ организаціи „Петръ
Черный", „Тарасъ" и „Сергѣй"), который приговоромъ Одесской
Судебной Палаты отъ 16-го марта 1905 года былъ осужденъ къ
ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года за покушеніе на убій-
ство 30-го сентября 1904 г. въ г. Одессѣ на Старопортофранков-
ской улицѣ околодочнаго надзирателя Янцеловскаго, а затѣмъ
послѣ побѣга изъ каторги, въ сентябрѣ 1907 г. совершилъ вмѣ-
стѣ съ другими лицами разбойное нападеніе на станцію Верхне-
днѣпровскъ Екатеринославской губерніи, где разбойниками было
похищено пересылавшихся по почтѣ 6000 рублей, послѣ чего
Борисовъ на нѣкоторое время скрылся въ Женеву; 2) Абрамъ Гро-
манъ (организаціонная кличка „Александръ"), сотрудникъ и членъ
редакціи органа русскихъ анарх. ком. „Буревѣстникъ", застрѣлив-
шійся 28-го февраля 1908 года на Кіевскомъ вокзалѣ при поимкѣ
его жандармами 3) Всеволодъ Потажевичъ (онъ же Ефремъ Кар-
дашъ), извѣстный въ организаціи подъ кличкой „Арсеній", „Іота",
который ограбилъ заводъ Бродскаго въ Кіевской губерніи на
10000 рублей, скрывшись затѣмъ въ Женеву, сотрудничалъ тамъ
въ газетѣ „Анархистъ" подъ псевдонимомъ „Отоцкій"; 4) Иванъ
Петровъ (онъ же Андрей Штокманъ) по кличкѣ въ организаціи
„Миша", ограбившій вмѣстѣ съ Борисовымъ 6000 рублей на
станціи Верхнеднѣпровскъ; 5) Эльке (Ольга Таратута), организа-
ціонная кличка „Валя", „Таня", „бабушка", приговоренная 1-го
ноября 1906 г. Одесскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ къ ссылкѣ
въ каторжныя работы на 17 лѣтъ за участіе въ „Одесской группѣ
анархистовъ-коммунистовъ" и за сокрытіе виновниковъ и слѣдовъ
умышленнаго поврежденія взрывомъ кофейни Либмана и 6) Ро-
залія Тарло, пріѣхавшая изъ Вѣны въ Одессу съ цѣлью отом-
стить генералу барону Каульбарсу за смерть сына ея Леви-Ицхока
Тарло, казненнаго въ сентябрѣ 1906 г. въ г. Одессѣ по приго-
вору военно-полевого суда за убійство городового Панфилова и
вооруженное сопротивленіе чинамъ полиціи.

Въ концѣ 1907 г. Сергѣй Борисовъ, распоряжавшійся денеж-
ными средствами, выдалъ въ Женевѣ вспомоществованіе на изда-
ніе журнала „Буревѣстникъ" въ размѣрѣ 7000 рублей, распоря-
дился закупкой и транспортировкой оружія и журнала „Буре-
вѣстникъ" въ Россію, а самъ выѣхалъ въ г. Екатеринославъ.
Вслѣдъ за Борисовымъ направились въ Россію съ цѣлью приве-
денія своихъ преступныхъ замысловъ въ исполненіе и другіе гла-
вари группы, размѣстившись по разнымъ городамъ, причемъ ба-
зой ихъ дѣятельности былъ выбранъ г. Екатеринославъ, гдѣ пред-
полагалось поставить лабораторію для изготовленія бомбъ и осно-
вать складъ оружія и журнала „Буревѣстникъ".

По прибытіи на мѣста, главари группы вошли въ сношенія съ
мѣстными группами анархистовъ-коммунистовъ, формируя боевые
отряды, которымъ Сергѣй Борисовъ выдавалъ денежныя субсидіи
по своему усмотрѣнію. Въ февралѣ Борисовъ намѣревался лично
отправиться изъ Екатеринослава въ Харьковъ, отвезти деньги
для Харьковской организаціи и пріискать надежное помѣщеніе для
склада оружія и литературы, но потомъ, боясь быть въ Харьковѣ
узнаннымъ, какъ мѣстный житель, Борисовъ перемѣнилъ свое
рѣшеніе и 13-го февраля подалъ телеграмму: „Харьковъ, Кули-
ковская 2,25, Ефимову. Жоржъ, немедленно пріѣзжай, братъ бо-
ленъ. Владимировъ." 14-го того же февраля утромъ изъ Харькова
прибылъ студентъ („Жоржъ"), стоящій во главѣ Харьковской
группъ анархистовъ-коммунистовъ, и по прибытіи въ Екатерино-
славъ остановился въ домѣ № 8 по Грековской улицѣ, въ квар-
тирѣ № 5 Хаи Левинской, каковая квартира была конспиратив-
ной для Интернаціональной группы. Получивъ отъ Борисова
деньги и литературу, Мирзаевъ, будучи взятъ въ наблюденіе, въ
тотъ же день, въ сопровожденіи агентовъ охраннаго отдѣленія,
выѣхалъ обратно въ Харьковъ. 2-го марта въ Екатеринославъ
для свиданія съ Борисовымъ прибылъ Потажевичъ („Арсеній",
„Іота"), но Борисова уже не застали, такъ какъ тотъ 18-го фев-
раля экстренно выѣхалъ въ Севастополь съ цѣлью выручить изъ
подъ стражи анархиста „Колю" (Тимошкина), но послѣдній въ
тюрьмѣ облилъ себя керосиномъ и отъ ожоговъ умеръ, вслѣд-
ствіе чего Борисовъ выѣхалъ въ Одессу, гдѣ и былъ задержанъ.
Не зная еще объ арестѣ Борисова, Потажевичъ направился изъ
Екатеринослава въ Одессу, но на пути, на станціи Запорожье,
былъ арестованъ и назвался Ефремомъ Кардашемъ. Вмѣстѣ съ
тѣмъ Борисовымъ и прибывшимъ изъ Кіева Гросманомъ прини-
мались мѣры къ оборудованію въ Екатеринославѣ лабораторіи,
для чего изъ г. Рославля былъ вызванъ Коноваловъ („Дядя"),
были заказаны оболочки для бомбъ и оборудована типографія.
До прибытія же необходимыхъ взрывчатыхъ веществъ, Интерна-
ціональная группа рѣшила сосредоточить на занятой ею квартирѣ
имѣющіяся въ мѣстной Екатеринославской группѣ анархистовъ
коммунистовъ взрывчатыя вещества, для чего 19-го февраля въ
Екатеринославѣ въ домѣ № 33 по Аптекарской балкѣ отправи-
лись лаборантъ Коноваловъ съ Басей Хазановой, но рабочій Пе-
трушевскій, при выносѣ бомбъ изъ сарая, уронилъ одну бомбу,
взрывомъ которой былъ раненъ, Коноваловъ же и Хазанова
успѣли бѣжать. Взрывъ въ Аптекарской балкѣ не остановилъ
намѣреній группы, и организаціонная работа продолжалась, но
въ послѣднихъ числахъ февраля разработка Охранными Отдѣле-
ніями связей главарей группы была закончена и еще до приведе-
нія группой своихъ замысловъ въ исполненіе была произведена,
по распоряженію Охранныхъ Отдѣленій, ликвидація группъ въ
городахъ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Одессѣ и Кіевѣ, сопрово-
ждавшаяся арестомъ большинства дѣятелей Боевого Интернаціо-
нальнаго отряда анархистовъ-коммунистовъ.

* * *

О товарищѣ *„Митѣ Симферопольскомъ"*, приговоренномъ по
дѣлу о Верхнеднѣпровской экспропріаціи къ смертной казни и
нынѣ уже казненномъ, въ обвинительномъ актѣ говорится, какъ
о видномъ дѣятелѣ группы а.-к. Вмѣстѣ съ Сергѣемъ Борисовымъ
Штокманъ участвовалъ въ ограбленіи 6000 на ст. Верхнеднѣ-
провскъ, совершилъ нѣсколько убійствъ и грабежей въ Севастополѣ
и Симферополѣ, скрылся заграницу и вернулся затѣмъ въ Россію
для производства новыхъ грабежей и политическихъ убійствъ.

Даются довольно подробныя свѣдѣнія о вооруженномъ отпорѣ
покойнаго товарища *Степана Гильченко*, о которомъ въ свое
время въ краткихъ чертахъ извѣстилъ насъ нашъ екатеринослав-
скій корреспондентъ. (См. Бурев. № 13).

Въ слѣдующихъ выраженіяхъ рисуется картина самоубійства
А. С. Гросмана. „Самоубійство Гросмана произошло при слѣдую-
щихъ обстоятельствахъ: 28 февраля въ 9-мъ часу вечера при

отходѣ изъ Кіева скораго поѣзда № 2 Полтавской линіи къ кандарскому вахмистру Сапраку, послѣ второго звонка обратился агентъ охраннаго отдѣленія за содѣйствіемъ для задержанія одного изъ пассажировъ этого поѣзда. Подойдя къ указанному агентомъ молодому человѣку, стоявшему на площадкѣ вагона II класса въ дверяхъ топки, Сапракъ схватилъ неизвѣстнаго за руки, но тотъ, высвободивъ свою правую руку, въ которой былъ браунингъ, выстрѣлилъ себѣ въ правый високъ". Дальше приводятся отрывки изъ № 10-11 „Буревѣстника" изъ редакціоннаго извѣщенія „о смерти члена редакціи А. С. Гросмана и изъ статьи П. Вѣтрова, посвященной его памяти.

О товарищѣ *Ольгѣ Тарантулѣ* сообщаются слѣдующія біографическія свѣдѣнія: „Спрошенная въ качествѣ обвиняемой Голда (Ольга) Таратута показала, что въ 1898 г. она привлекалась въ Одессѣ къ дознанію о южно-русской группѣ соціалдемократической рабочей партіи и была отдана подъ гласный надзоръ полиціи на одинъ годъ; съ 1901 по 1904 г. жила въ Германіи и Швейцаріи, а въ январѣ 1904 г. была привлечена въ Одессѣ къ дознанію о группѣ „непримиримыхъ" по 126 ст. Угол. Улож.; но за недостаткомъ уликъ дѣло это въ отношеніи ея было прекращено; въ январѣ 1905 г. привлекалась къ дознанію объ одесской группѣ анарх.-комм., каковое дѣло въ силу высочайшаго манифеста было прекращено. Въ 1906 г. по приговору Одесскаго Военно-Окружн. Суда осуждена на 17 лѣтъ каторги, но 15 дек. того же 1906 г. бѣжала изъ одесской тюрьмы заграницу. На вопросъ о виновности ея въ принадлежности къ боевому интернаціональному отряду анарх.-комм. Таратута отвѣчать не пожелала и заявила, что принадлежитъ къ группѣ анарх.-комм. „бунтарисовъ", преслѣдующихъ цѣли: борьбы противъ частной собственности и всякой власти, отъ дальнѣйшихъ же объясненія Таратута отказалась".

По показаніямъ *provocateur'a Моисея Самоурова*, касавшимся дѣятельности екатеринославской гр. а.-к. и въ частности постановки типографской техники, станокъ, находившійся въ типографіи екатер. группы „былъ похищенъ изъ типографіи Яковлева названнымъ Гаѳченко вмѣстѣ съ *Иваномъ Похуновымъ* и *„Гавриломъ" Константиновскимъ* при содѣйствіи рабочаго той же типографіи *Бориса*". По его же показаніямъ завѣдующимъ типографіей былъ анархистъ „*Гилона*".

Руководящая роль *Сергея Борисова* въ интернац. боев. гр. а.-к. весьма подробно „освѣщена" въ показаніяхъ *провокаторской четы Левке (Леонида) Тителъмана* и *Анны Сулисъ*, давшихъ охранкѣ также и цѣлый рядъ другихъ весьма цѣнныхъ для нея свѣдѣній.

Русскій анархистъ въ Галиціи

„Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена во львовскомъ москвофильскомъ „Галичанинѣ" отъ 19-го января корреспонденція изъ Мельницы.

Во время православныхъ рождественскихъ праздниковъ, пишетъ корреспондентъ, мельницкіе жандармы арестовали подозрительнаго человѣка, намѣревавшагося перейти границу возлѣ Окопова и отправиться въ Россію. Такъ какъ у него не оказалось паспорта, то въ квартирѣ, гдѣ онъ временно останавливался, былъ сдѣланъ обыскъ. Въ большомъ чемоданѣ арестованнаго былъ найденъ цѣлый пакетъ браунинговъ и револьверовъ всякаго калибра съ большимъ количествомъ патроновъ, а также масса анархическихъ писемъ и брошюръ, между ними „Анархическій Альманахъ". Арестованный назвался Яковомъ Антоновичемъ Дудниченко, строительнымъ рабочимъ, рожденнымъ и жительствующимъ въ Россіи въ г. Хотинѣ. По поводу найденныхъ у него оружія и литературы онъ показалъ, что, занимаясь въ цѣляхъ большаго заработка контрабандой, онъ переноситъ этотъ товаръ, закупивъ оружіе въ Черновцахъ и купивъ литературу очень дешево у какого-то еврейскаго кольпортера.

Тернопольскій прокурорскій надзоръ возбудилъ противъ Дудниченка судебное слѣдствіе по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ § 66 уголовнаго производства (намѣреніе вызвать возстаніе въ чужой державѣ) съ примѣненіемъ предварительнаго тюремнаго заключенія. Такъ какъ при Дудниченкѣ, кромѣ оружія и литературы, найдено около 1000 рублей и 300 кронъ, то судебныя власти предполагаютъ, что мнимый Дудниченко — членъ международной организаціи анархистовъ, которая намѣревалась совершить въ Россіи какое-либо покушеніе или экспропріацію. Такъ какъ арестный домъ въ Мельницѣ недостаточно надеженъ, чтобы удержать въ своихъ стѣнахъ такого опаснаго гостя, то Дудниченко переведенъ въ тюрьму въ Тернополь, гдѣ онъ просидитъ до тѣхъ поръ пока не получится изъ Россіи отвѣтъ на сдѣланный прокурорскимъ надзоромъ запросъ.

Моисей Киршенбаумъ

(„*Мойше Токаръ*")

Недавно газеты извѣщали о потрясающемъ по способу выполненія самоубійствѣ приговореннаго къ смертной казни революціонера, ранившаго въ Вильнѣ генерала Пенго, котораго онъ принялъ по ошибкѣ за бывшаго московскаго генералъ-губернатора, нынѣ начальника виленскаго военнаго округа.

Лишь на-дняхъ, когда настоящій номеръ былъ уже набранъ, мы узнали, что этотъ революціонеръ — который, не желая умереть отъ руки палача, обмоталъ себѣ голову и шею тряпками и, облививъ ихъ керосиномъ, сжегъ себя — нашъ товарищъ анархистъ-коммунистъ Моисей Киршенбаумъ, извѣстный въ анархическихъ кругахъ подъ именемъ „Мойше Токаря". Уже въ 1905 году Мойше Токарь входилъ въ первую варшавскую анархистскую группу „Интернаціоналъ", и съ тѣхъ поръ жизнь Мойше Токаря, полная борьбы и страданій, цѣликомъ была отдана революціонной анархистской работѣ. Въ слѣдующемъ номерѣ „Буревѣстника" мы помѣстимъ его біографію, составленную на основаніи разсказовъ близко знавшихъ его товарищей.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„*Пролетарское Знамя*", органъ россійскихъ рабочихъ, февраль 1910 г. № 1.

Эта новая газета — изданіе кружка не просто россійскихъ рабочихъ, а рабочихъ соціальдемократовъ, о чемъ кромѣ содержанія свидѣтельствуетъ и партійный заголовокъ (Р. С. Д. Р. П.). Выясненію цѣли органа редакція посвящаетъ передовую статью. Изъ этой статьи слѣдуетъ, что цѣль органа заключается въ объединеніи народившейся въ Россіи рабочей интеллигенціи „ради максимальнаго проявленія ея самодѣятельности въ вопросахъ теоріи и практики освободительной борьбы за соціализмъ".

Первый номеръ газеты даетъ довольно много матеріала для характеристики настроенія, преобладающаго въ настоящій моментъ въ средѣ рабочихъ примыкающихъ къ Р. С. Д. Р. П., и съ этой точки зрѣнія мы считаемъ желательнымъ дальнѣйшее существованіе этого органа. Нѣкоторыя мысли, высказанныя въ статьяхъ несомнѣнно интересны и свидѣтельствуютъ объ усиліяхъ рабочихъ проложить себѣ самостоятельную дорогу черезъ плотину партійной опеки. Но пока что издатели „Пр. Зн." еще очень далеки отъ вѣрнаго пути и спасеніе рабочаго дѣла въ Россіи видятъ не въ *коренномъ* преобразованіи старыхъ методовъ борьбы, а лишь въ нѣкоторыхъ паллиативахъ. Если газета будетъ продолжать выходить, мы въ слѣдующемъ номерѣ „Буревѣстника" посвятимъ ей больше мѣста и покажемъ половинчатость и неопредѣленность положенныхъ въ основу ея изданія принциповъ.

М. Р—скій.

Вышли изъ печати слѣдующія изданія:

Зигфридъ Нахтъ. Очерки по исторіи рабочаго движенія въ Испаніи.
Народный Сборникъ. Т. I.
Кому служитъ солдатъ (Народный Листокъ № 1).
Не будетъ на Руси ни холодныхъ, ни голодныхъ (Нар. Лист. № 2).
Солдатская служба (Народный Листокъ № 3).
Вольная деревня (Народный Листокъ № 4).
Фабрики народу (Народный Листокъ № 5).
АЛЬМАНАХЪ, сборникъ по исторіи анархистскаго движенія въ Россіи, т. I.

Письма и деньги просятъ направлять:
Paris. Rédaction du „Libertaire" rue d'Orsel, 15.
На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись:
Для „Буревѣстника"

Впп 263